

Первоклассный роман — пугающий и стильный.
Los Angeles Times

ДИН КУНЦ

ТИХИЙ УГОЛОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Дин Рэй Кунц
Тихий уголок
Серия «The Big Book. Дин Кунц»
Серия «Джейн Хок», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38682760

*Тихий уголок : роман / Дин Кунц; Азбука, Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-389-15789-7*

Аннотация

Эти леденящие душу слова оставлены человеком, который получил все, ради чего стоит жить, – и заплатил за это собственной жизнью. Теперь его вдова Джейн Хок делает то, чего требуют от нее горе, гнев, страх и отчаяние: ищет истину. Ради этого она готова на все...

Люди талантливые и успешные, счастливые и здравомыслящие совершают самоубийства – и таких людей на удивление много. Пытаясь выяснить загадку этих смертей, Джейн превращается из расследующего в преследуемого. Потому что ее могущественные враги хранят настолько важную и страшную тайну, что любой, кто на нее посягнет, должен быть уничтожен. Но хватит ли их могущества, чтобы остановить женщину, не уступающую им ни

хладнокровием, ни умом и к тому же ведомую гневом, какого они не знали никогда?

Роман впервые издается на русском!

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Дин Кунц

ТИХИЙ УГОЛОК

Dean Koontz

THE SILENT CORNER

Copyright © 2017 by Dean Koontz

All rights reserved

This edition published by arrangement with **InkWell Management LLC** and Synopsis Literary Agency

© Г. А. Крылов, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Герде
Убаюкай меня*

*Крупнейшие достижения цивилизации... лишь
разрушают те общества, в которых зарождаются.
Альфред Норт Уайтхед*

Я смотрю вниз, во все это осиное гнездо, во весь

этот улей... и вижу, как они кладут воск, делают мед, готовят яд и задыхаются от серы¹.

Томас Карлейль. Sartor Resartus

Тихий уголок. О тех, кто остается в тени и не может быть обнаружен с помощью технических средств, но тем не менее способен свободно передвигаться и использовать Интернет, говорят, что они находятся «в тихом уголке».

¹ Пер. Н. Горбова.

Часть первая

Убаюкай меня

1

Джейн Хок проснулась в прохладной темноте и несколько мгновений не могла вспомнить, где она уснула, понимая только, что, как и всегда, лежит на бескрайней, поистине королевской кровати, а ее пистолет – под подушкой, на которой покоилась бы голова спутника, если бы она не путешествовала в одиночестве. Рев дизеля и трение восемнадцати покрышек об асфальт напомнили ей, что она остановилась в мотеле близ федеральной автомагистрали и что сегодня... понедельник.

Прикроватные часы мерцали зеленоватым цифровым светом, сообщая плохую, но привычную новость: сейчас 4:15 утра. Слишком рано – положенные восемь часов она еще не проспала, и слишком поздно – заснуть снова уже не получится.

Джейн полежала некоторое время, думая об утратах. Она обещала себе, что перестанет погружаться в прошлое – слишком уж горькими были эти погружения. Сейчас она тратила на это меньше времени, чем в прошлом, что можно бы-

ло бы счесть прогрессом, если бы недавно она не начала размышлять о новых, предстоящих потерях.

В ванную Джейн взяла с собой смену белья и пистолет. Там она закрыла дверь и подперла ее стулом с прямой спинкой, который переставила сюда из спальни, после того как вчера вечером зарегистрировалась в мотеле.

Горничные не слишком утруждали себя: в уголке над раковиной она увидела радиальные и круговые нити паучьего дома, размером больше ее ладони. Когда в одиннадцать она легла спать, из съестных припасов в паутине был лишь дергающийся мотылек. К утру от мотылька осталась только пустая прозрачная оболочка; с крылышек, хрупких и потрескавшихся, исчезла бархатная пыльца. Паук с жирным брюшком теперь наблюдал за парой пойманных чешуйниц, более скромной добычей; впрочем, рано или поздно на кружевной бойне должно было оказаться что-нибудь существенное.

Снаружи свет ночной лампы золотил замерзшее стекло в маленьком створчатом окне ванной – таком крошечном, что через него не пробрался бы даже ребенок. Его размеры исключали также возможность побега в экстренной ситуации.

Джейн положила пистолет на опущенную крышку унитаза и встала под душ, не задернув виниловой занавески. Вода оказалась довольно горячей для двухзвездочного мотеля, боль в мышцах и костях постепенно уходила, но Джейн не стала надолго задерживаться под благодатными струйками, как бы ей этого ни хотелось.

Ее наплечная оснастка включала кобуру с поворотными соединениями, держатель для запасного магазина и замшевый ремень. Оружие висело прямо под левой подмышкой, что позволяло надежно прятать его под спортивными пиджаками особого покроя.

Кроме запасного магазина, пристегнутого к ремню, у Джейн имелось еще два в карманах куртки – всего сорок патронов, считая те, что в пистолете.

Возможно, наступят времена, когда и сорока будет недостаточно. У нее больше не было поддержки, не было микроавтобуса за углом с группой поддержки на случай, если дела пойдут плохо. Те дни прошли, и, может быть, навсегда. Она не могла вооружиться в расчете на вечный бой. Когда недостаточно сорока патронов, не хватит и восьмидесяти, и восьмисот. Джейн не заблуждалась относительно своего мастерства и своей стойкости.

Она вынесла два своих чемодана к «форду-эскейп», подняла заднюю дверь, положила внутрь чемоданы и заперла машину.

Солнце еще не встало – наверное, копило энергию на один-два протуберанца. Ярко-серебряная ущербная луна на западе отражала столько света, что тени ее кратеров размывались. Она казалась не цельным объектом, а дырой в ноч-

ном небе, чистым и опасным сиянием, льющим из другой вселенной.

В конторке мотеля Джейн вернула ключи от номера. Портье, бритоголовый парень с эспаньолкой, спросил, все ли ее устроило, – таким тоном, будто его это и в самом деле волновало. Джейн чуть не ответила: «У вас столько жучков, я решила, что здесь часто бывают энтомологи». Но не хотелось перебивать образ, сложившийся в голове парня, когда он представлял ее голой.

– Да, все устроило, – ответила она и вышла.

При регистрации она заплатила наличными вперед и предъявила поддельные права; таким образом, Люси Эймс из Сакраменто только что покинула мотель. Крылатые ранневесенние жуки ударялись о металлические конусы ламп, прикрепленных к навесу над дорожкой, громадные многоногие тени носились по освещенному цементу вниз, под ногами. Она направилась в столовую мотеля, зная, что здесь есть камеры наблюдения, но не глядя на них. Уйти от всевидящего ока было невозможно. Но единственные камеры, которые могли ее распознать, находились в аэропортах, на вокзалах и других важных объектах, подключенных к компьютерам, в которые загрузили самую современную программу распознавания лиц в реальном времени. Времена, когда она летала самолетами, безвозвратно прошли. Она перемещалась на машине.

Когда все это началось, она была длинноволосой на-

туральной блондинкой, теперь же превратилась в коротко стриженную брюнетку. Такие изменения не могли обмануть программу распознавания лиц, если тебя целенаправленно искали. Не считая легко различимых косметических средств, которые могли привлечь нежелательное внимание, в ее распоряжении не было почти ничего для изменения формы лица и многих других уникальных особенностей, чтобы избежать узнавания с помощью аппаратуры.

3

Омлет из трех яиц с сыром, два ломтика бекона, сосиска, лишняя порция масла для тоста, попробуйте картофель по-домашнему, кофе вместо апельсинового сока: она процветала на протеинах, но от избытка углеводов становилась вялой и туповатой. Она не боялась жиров: чтобы развился атеросклероз, ей надо было прожить еще лет двадцать.

Официантка принесла ей долитую чашку кофе. Эта женщина тридцати с чем-то лет, красивая, как порой бывают красивы увядающие цветы, выглядела до крайности бледной и худой, словно жизнь день за днем снимала с нее стружку и выбеливала ее.

– Вы слышали, что случилось в Филадельфии?

– Что там еще?

– Какие-то психи на частном самолете врезались утром, в самый час пик, в четырехполосную дорогу. По телевизору

сказали, что самолет был с полными баками. Дорога вся в огне почти на милю, мост обрушился, легковушки и грузовики взорвались, несчастные люди не смогли выбраться. Ужас. У нас на кухне висит телевизор. Смотреть невозможно. Плохо становится. Они говорят, что делают это во имя Бога, но в них сидит дьявол. Что мы будем делать?

– Не знаю, – ответила Джейн.

– Думаю, никто не знает.

– Я тоже так думаю.

Официантка вернулась на кухню, а Джейн доела завтрак. Если ты позволишь новостям портить тебе аппетит, то вечно будешь ходить голодной.

4

Черный «форд-эскейп», похоже, собрали неизвестно где, но под капотом у него таились кое-какие секреты, а также немалая мощь, что позволяло обгонять все машины с надписью «Служить и защищать»² на передних дверях. Двумя неделями ранее Джейн заплатила наличными за этот «форд» в Ногалесе, штат Аризона, городе, отделенном границей от мексиканского Ногалеса. Машина была угнана в Штатах, в Мексике ей выбили новый номер на двигателе и прибавили мощности, после чего вернули в Штаты. Шоу-румы диле-

² Лозунг Лос-Анджелесского полицейского управления с 1955 года; впоследствии им пользовались и другие полицейские управления.

ра помещались в сараях на бывшем лошадином ранчо. Он не рекламировал свою фирму, не выписывал квитанций, не платил налогов. По просьбе Джейн он дал ей канадские номера и карточку, свидетельствующую о стопроцентно законной регистрации в Автомобильном департаменте провинции Британская Колумбия.

Рассвело, а она все еще находилась в Аризоне, устремляясь на запад по Восьмой федеральной автомагистрали. Ночь бледнела. Солнце медленно расчищало горизонт у нее за спиной, высокие перистые облака впереди порозовели, потом побагровели, небо светлело, пока не стало насыщенно-голубым.

Иногда во время долгих поездок ей хотелось слушать музыку. Бах, Бетховен, Брамс, Моцарт, Шопен, Лист. Этим утром она предпочла тишину. В нынешнем ее настроении даже лучшая музыка звучала бы диссонансом по отношению к тому, что она чувствовала.

Через сорок миль после восхода она пересекла границу штата и оказалась на самом юге Калифорнии. В течение следующего часа высокие белые облака опустились, посерели и стали гуще. Еще через час небо потемнело, набухло, стало зловещим.

У западной оконечности Кливлендского заповедника она съехала с федеральной трассы к Алайну, городку, где прежде жил генерал Гордон Лэмберт с женой. Прошлым вечером Джейн свернулась с одним из своих старых, но полезных «Пу-

теводителей Томаса» – атласов со спиральным креплением. Она не сомневалась, что знает, как найти этот дом.

При переоборудовании «форда-эскейп» в Мексике с него сняли навигатор вместе с транспондером, позволявшим в постоянном режиме отслеживать местонахождение автомобиля со спутника и с помощью других средств. Нет смысла тщательно скрываться, если твоя машина подключена к вай-фаю и о каждом повороте руля становится известно.

Хотя дождь – такое же естественное явление, как солнечный свет, хотя природа действует без всяких намерений, Джейн видела зловещий умысел в приближающейся грозе. В последнее время ее любовь ко всему естественному часто проходила испытание на прочность, сталкиваясь с представлением – вероятно, иррациональным, но глубоким – о том, что в предприятиях опасных и разрушительных природа тайно сотрудничает с человеком.

5

В Алайне проживали четырнадцать тысяч человек, и какая-то их часть наверняка верила в судьбу. Менее трех сотен жителей принадлежали к племени вьехас индейской народности кумеяй; они были владельцами казино «Вьехас». Джейн не интересовалась азартными играми. Жизнь и так представляла собой постоянное, ежеминутное бросание игрального кубика – ей хватало этого за глаза и за уши.

Центральный деловой район, усаженный соснами и каменными дубами, был выдержан в симпатичном стиле фронтального города. Некоторые здания и в самом деле относились ко временам освоения Дикого Запада, другие, более поздние, были подражаниями стилю той эпохи, более или менее успешными. Число антикварных лавок, галерей, сувенирных магазинов и ресторанов наводило на мысль о круглогодичном туризме, который и стал причиной открытия казино.

Сан-Диего, восьмой крупнейший город страны, находился менее чем в тридцати милях от Алайна и располагался в тысяче восьмистах футах ниже его. Там, где на небольшом пространстве обитает миллион человек, многие ощущают потребность время от времени покинуть этот улей и отправляться туда, где жужжания чуть поменьше.

Дом Лэмберта, обитый вагонкой, с черными шторами на окнах, располагался в дальнем предместье Алайна, на участке площадью около акра. Вдоль переднего дворика тянулась ограда из штакетника, на крыльце стояли плетеные кресла. В северо-западном углу, на самом верху флагштока, красовался флаг. Красно-белая часть слегка трепыхалась на ветру, четвертушка с полусотней звезд была натянута и отчетливо видна на фоне мрачного неба с клубами туч.

Ограничение скорости в двадцать пять миль в час позволяло двигаться медленно и в то же время не казаться предвыборным агитатором. Ничего необычного Джейн не увиде-

ла. Но если они подозревали, что она может здесь появиться из-за ее связей с Гвинет Лэмберт, то они будут осторожны и постараются сделаться почти невидимыми.

Еще четыре дома, и улица закончилась. Она развернулась и припарковала «форд» на обочине, передком в ту сторону, откуда приехала.

Эти дома стояли на кромке холма, с которого открывался вид на озеро Эль-Капитан. Джейн прошла по грунтовой тропинке сквозь рощицу, потом по безлесному склону, поросшему зеленым китайским вереском, который к середине лета должен был стать пшенично-золотистым. Выйдя на берег, она направилась на юг, оглядывая озеро, которое казалось спокойным и в то же время тревожным, потому что облака, похожие на смятое белье, отражались в безмятежной зеркальной поверхности. Не меньшее внимание уделяла она и домам по левую руку от себя – всматривалась в каждый, словно восторгалась ими.

Заборы свидетельствовали о том, что домовладельцам принадлежали только горизонтальные участки на вершине холма. Везде были такие же белые столбики, как перед домом Лэмберта.

Джейн прошла позади двух других зданий, потом вернулась к дому Лэмберта и поднялась по склону. Черные ворота запирались на простую щеколду.

Закрыв их за собой, она оглядела окна: шторы были раскрыты, жалюзи подняты, чтобы внутрь проникало как мож-

но больше света. Было видно, что никто не глазеет на озеро, никто не ждет ее.

Джейн решительным шагом прошла вдоль столбиков, огибая дом. Облака опускались все ниже, флаг трепетал на ветру, пахнувшем то ли скорым дождем, то ли озерной водой. Она поднялась по ступенькам крыльца и позвонила. Несколько секунд спустя дверь открыла стройная привлекательная женщина лет пятидесяти. На ней были джинсы, свитер и передник до колен, украшенный вышитыми земляничными ягодами.

– Миссис Лэмберт? – спросила Джейн.

– Да?

– Между нами есть связь, к которой, надеюсь, я могу звонить.

Гвинет Лэмберт изобразила полуулыбку и подняла брови.

– Мы обе когда-то вышли замуж за морпехов.

– Да, связь есть. Чем могу вам помочь?

– Кроме того, мы обе вдовы. Думаю, мы обе виним в этом одних и тех же людей.

6

В кухне пахло апельсинами. Гвин Лэмберт пекла булочки с мандариново-шоколадной начинкой, в таком количестве и так сноровисто, что Джейн понимала: Гвин старается чем-то занять себя, это своего рода самозащита от боли утраты.

На столах стояло девять блюд, на каждом лежало по дюжине полностью остывших булочек в пластиковой обертке, предназначенных для соседей и друзей. Десятое блюдо с еще горячей выпечкой стояло на обеденном столе, а в духовке доходила очередная партия. Гвин была из тех поразительных кухонных волшебников, которые творят кулинарные чудеса без видимых последствий: ни грязных мисок, ни тарелок в раковине, ни остатков муки на столешницах, ни крошек или другого мусора на полу.

Отказавшись от булочки, Джейн взяла у хозяйки кружку черного кофе. Затем обе сели за стол, друг против друга; над кружкой крепко заваренного кофе неторопливо поднимался ароматный парок.

– Так вы говорите, что Ник был подполковником? – спросила Гвин.

Джейн назвала свое настоящее имя. Связь, существовавшая между ними, подразумевала, что этот визит останется в тайне. Обстоятельства складывались так, что если она не могла доверять жене морпеха, значит она не могла доверять никому.

– Полковником, – поправила ее Джейн. – У него был серебряный орел.

– И всего в тридцать два года? Ну, если он так широко шагал, генеральские звезды не заставили бы себя ждать.

Муж Гвин, Гордон, был генерал-лейтенантом, три звездочки, – лишь на один ранг ниже самого высокого звания в

корпусе.

– Нику дали Военно-морской крест, медаль «За выдающуюся службу в вооруженных силах» и еще много всяких наград – на всю грудь.

Военно-морской крест был на одну ступень ниже медали Почета. Бесконечно скромный, Ник никогда не говорил о полученных им наградах и благодарностях, но Джейн иногда чувствовала потребность похвастаться его заслугами, подтвердить, что он существовал и что его существование сделало мир лучше.

– Я потеряла его четыре месяца назад. Мы были женаты шесть лет.

– Милая, – сказала Гвин, – вы, вероятно, были совсем ребенком, когда выходили замуж.

– Вовсе нет. Двадцать один год. Свадьба состоялась через неделю после того, как я окончила Академию в Куантико и была направлена в ФБР.

Гвин удивленно посмотрела на нее:

– Вы служите в ФБР?

– Если только вернусь туда. Сейчас я в отпуске. Мы познакомились, когда Ник был в командировке, приписан к Командованию боевых разработок морской пехоты в Куантико. Это не он за мной приударял, а я за ним. Я никогда не видела мужчины красивее его, а уж если мне чего захочется, я становлюсь упрямой как ослица. – Она удивилась сама себе: сердце екнуло, голос дрогнул. – Эти четыре месяца иногда

кажутся четырьмя годами... а потом вдруг четырьмя часами. – Джейн сразу же ужаснулась собственной нетактичности. – Черт, простите. Моя утрата не так свежа, как ваша.

Отмахнувшись от извинения и не скрывая слез, Гвин сказала:

– На следующий год после свадьбы – мы поженились в восемьдесят третьем – Горди был в Бейруте. Тогда террористы взорвали казарму морпехов, убив сто двадцать человек. Он так часто бывал в опасных местах, что я тысячу раз его хоронила. Я считала себя готовой к тому, что офицер в парадном мундире принесет мне извещение о его гибели. Но я не была готова к тому... что случилось.

В новостях сообщалось, что в субботу, меньше двух недель назад, когда его жена уехала в супермаркет, Гордон вышел через заднюю калитку в заборе и пошел по склону холма к озеру. При нем было помповое ружье с пистолетной рукояткой. Он сел возле самой воды, спиной к высокому травянистому берегу. Ружье было короткоствольным, и он легко дотянулся до спускового крючка. Рыбаки, сидевшие в своих лодках, показали, что он выстрелил себе в рот. Когда Гвин приехала из магазина, улица была заполнена патрульными машинами, а дверь дома открыта, и ее жизнь навсегда изменилась.

– Вы не будете возражать, если я спрошу?.. – начала Джейн.

– Мне очень больно, но я не сломлена. Спрашивайте.

– С ним точно никого не было, когда он шел к озеру?

– Никого. Соседка видела его – шагал один и нес что-то.

Только она не поняла, что это было ружье.

– А рыбаков, которые дали показания, проверили?

Гвин недоуменно посмотрела на нее:

– Проверили – на что?

– Может быть, ваш муж шел на встречу с кем-то. Может быть, он взял дробовик для защиты.

– И может быть, это было убийство? Невероятно. Поблизости находились четыре лодки. По меньшей мере шесть человек видели это своими глазами.

Джейн не хотела задавать следующий вопрос, – могло показаться, что она сомневается в прочности их брака.

– А ваш муж... Гордон впадал в депрессию?

– Никогда. Некоторые отказываются от надежды. Горди всю жизнь носил надежду с собой – оптимист из оптимистов.

– Очень похоже на Ника, – сказала Джейн. – Каждая проблема становилась вызовом, а он любил вызовы.

– Как это случилось, милая? Как вы его потеряли?

– Я готовила обед. Он пошел в ванную и долго не появлялся. Я нашла его в ванной полностью одетым. Он воспользовался своим боевым ножом: вонзил его в шею так глубоко, что перерезал левую сонную артерию.

Зима выдалась влажной из-за прихода Эль-Ниньо, во второй раз за последние пять лет. В остальные три года количество осадков не превышало норму. Из-за климатической аномалии засуха в штате прекратилась. По утрам за окном было темно, как вечером. Озеро внизу – прежде гладкое, как стекло, – под напором ветра покрылось белыми чешуйчатыми бурунами, напоминая огромного змея, задремавшего перед неизбежной грозой.

Гвин вынимала булочки из духовки и ставила противень на сушилку, чтобы они остыли. Тиканье настенных часов, казалось, стало громче. В последние месяцы разнообразные часы время от времени терзали Джейн. Иногда ей казалось, что она слышит слабое тиканье своих наручных часиков. Постепенно звук становился невыносимым, так что Джейн снимала часы и засовывала в бардачок машины, а если это происходило в мотеле, клала их в кресло в другом углу комнаты, накрывала подушкой и доставала только при необходимости. Даже если ее время истекало, она не хотела, чтобы ей постоянно напоминали об этом.

Гвин налила в чашки свежезаваренного кофе, и Джейн спросила:

– А Гордон не оставил записки?

– Ни записки, ни эсэмэски, ни голосовой почты. Не знаю

даже, расстраиваться или радоваться.

Она поставила ковшик обратно в кофеварку и снова устроилась на стуле. Джейн старалась не замечать часов; те стали тикать громче, но это явно было игрой ее воображения.

– Я держу блокнот и авторучку на туалетном столике у себя в спальне. Ник взял их, чтобы написать прощальную записку, – можете себе представить?

Ужас, исходящий от этих четырех предложений, леденил сердце Джейн каждый раз, когда она вспоминала их. Она воспроизвела их по памяти:

– «Что-то со мной не так. Мне нужно. Совершенно необходимо. Мне совершенно необходимо умереть».

Гвин поставила чашку, так и не сделав ни глотка.

– Чертовски странно.

– Я подумала так же. И полицейские с судмедэкспертом, кажется, тоже. Первое предложение было написано обычным для него плотным аккуратным курсивом. Но дальше слова становились все менее разборчивыми, словно он с трудом двигал рукой.

Они смотрели в окно, за которым уже смеркалось, и молчали. Наконец Гвин сказала:

– Как это, наверное, было страшно – то, что вы сами нашли его.

Эта реплика не требовала ответа.

Глядя в свою чашку кофе так, словно в свете потолочной

лампы можно было прочесть будущее, Джейн сказала:

– Число самоубийств в Штатах в прошлом веке упало приблизительно до десяти с половиной на сто тысяч населения. Но в последние два десятилетия оно вернулось к норме – двенадцать с половиной. А в апреле начало расти. К концу года цифра составляла четырнадцать на сто тысяч населения. При обычном соотношении происходит более тридцати восьми тысяч самоубийств в год. Новое соотношение дает прирост более чем в четыре с половиной тысячи. Насколько мне известно, за первые три месяца нынешнего года цифра достигла пятнадцати с половиной на тысячу, что за год даст почти на восемь тысяч четыреста случаев больше условной нормы.

Знакомя Гвин с этими цифрами, Джейн снова размышляла над ними, но так и не смогла понять, что они означают или почему, как ей кажется, имеют отношение к смерти Ника. Она подняла взгляд и увидела, что Гвин всматривается в нее с бóльшим вниманием, чем прежде.

– Милая, вы хотите сказать, что проводите расследование? Абсолютно правильно делаете. И вы сказали еще не все.

Джейн действительно сказала далеко не все, но не хотела говорить слишком много, чтобы не подвергать опасности жизнь вдовы Лэмберт. Гвин не отступала:

– Только не говорите, что мы вернулись к холодной войне со всеми ее подлыми штуками. Много ли военных среди этих восьми тысяч четырехсот человек?

– Довольно много, но процент не изменился. Все профессии представлены более или менее равномерно. Врачи, адвокаты, учителя, полицейские, журналисты... Но мы имеем дело с необычными самоубийствами. Успешные и хорошо устроенные люди, не знавшие ни депрессии, ни эмоциональных проблем, ни финансовых затруднений. Никто из них не похож на потенциального самоубийцу.

Порыв ветра налетел на дом, ударил по задней двери, словно кто-то настойчиво пытался проверить, заперта ли она на замок.

От надежды лицо женщины порозовело, глаза загорелись: Джейн еще не видела ее такой.

– Вы хотите сказать, что, может, Горди... Что с ним сделали – опоили? Он ничего не понимал, когда взял ружье и пошел на озеро? Это возможно?..

– Не знаю, Гвин. Я собрала воедино какие-то крохи, но пока не понимаю, что все это значит, если это что-то значит. – Она отхлебнула из чашки, но поняла, что выпила уже достаточно кофе. – В прошлом году были случаи, когда Гордон неважно себя чувствовал?

– Один раз простудился. И еще у него болел зуб, пришлось прочищать канал.

– Головокружения? Умственные расстройства? Головные боли?

– Горди был не из тех людей, которые страдают от головных болей. И вообще, ни одна болезнь не могла его остано-

вить.

– Это запомнилось бы: сильная, глубокая головная боль, характерное мигание перед глазами, мешающее видеть все вокруг.

Эти слова явно затронули какую-то струну внутри вдовы Лэмберт.

– Когда это было, Гвин?

– На КЧЕ – конференции «Что, если» – в прошлом сентябре в Вегасе.

– Что это такое?

– Институт Гернсбека³ собирает на четыре дня футурологов и писателей-фантастов для нестандартных рассуждений о национальной обороне. Об угрозах, на которые мы не обращаем внимания, а между тем через год, десять, двадцать лет они могут оказаться серьезнее, чем мы думаем.

Она приложила руку ко рту и нахмурилась.

– Что-то не так? – спросила Джейн.

Гвин пожала плечами:

– Нет. На секунду я подумала, надо ли говорить об этом. Но это совсем не тайна. В последние годы об этом много говорилось в прессе. Понимаете, институт приглашает четыреста человек из числа самых продвинутых и дальновидных – военных всех родов войск, ведущих ученых, инженеров основных фирм – подрядчиков Пентагона. Устраивают-

³ По имени Хьюго Гернсбека (1884–1967) – изобретателя, бизнесмена, издателя первого в мире журнала, посвященного научной фантастике.

сы разные секции, все эти люди слушают выступающих и задают вопросы. Выходит интересно. Приглашаются и супруги. Женщины ходят на обеды и светские мероприятия, но не на заседания. И кстати, это вовсе не взятка.

– Я и не думала про взятку.

– Институт является неполитической и некоммерческой организацией. Он никак не связан с подрядчиками Пентагона. А те, кто получает приглашения, сами оплачивают дорогу и проживание. Горди три раза брал меня на конференции. Он любил бывать там.

– Но на прошлогодней конференции у него случился приступ головной боли.

– Один-единственный раз. Утром третьего дня он почти шесть часов лежал в постели, головы не мог поднять. Я предлагала ему вызвать врача через портье. Но Горди сказал, что любые болячки, если только это не пулевые ранения, лучше всего не трогать – пройдут сами. Вы же знаете, мужчины вечно что-то доказывают самим себе.

На душе у Джейн потеплело от воспоминаний.

– Однажды Ник занимался резьбой по дереву и порезался, когда соскользнула стамеска. Нужно было наложить четыре или пять швов. Но он сам прочистил ранку, намазал ее неоспорином и крепко затянул клейкой лентой. Я боялась, что он умрет от заражения крови или потеряет руку, а он считал мое беспокойство забавным. Забавным! Ух как мне хотелось его огреть. И я огрела.

Гвин улыбнулась:

– Правильно сделали. Так вот, к ланчу голова прошла, и Горди пропустил всего одну сессию. Когда я поняла, что не смогу убедить его пойти к врачу, то отправилась в спа-салон и потратила кучу денег на массаж. Но откуда вы узнали о головной боли?

– Еще один человек, с которым я разговаривала, вдовец из Чикаго, рассказывал, что у его жены мигрень была только раз в жизни. За два месяца до того, как она повесилась в гараже.

– Она приезжала на конференцию «Что, если»?

– Нет. Хотелось бы мне, чтобы все было так просто. Для многих случаев самоубийства мне не удастся обнаружить таких очевидных связей. Только непрочные ниточки, малоубедительные свидетельства. Та женщина была топ-менеджером некоммерческой организации, помогающей людям с ограниченными возможностями. Все говорит о том, что она была счастливой и успешной, все ее любили.

– А у вашего Ника не было такого? У него что, это единственная в жизни мигрень?

– Мне об этом неизвестно. Подозрительные случаи, которые интересуют меня... в последние месяцы перед смертью эти люди жаловались на кратковременное головокружение. Или на странные, яркие сны. Или на заметную дрожь в губах и левой руке, проходившую примерно через неделю. Некоторые жаловались на горечь во рту, которая появлялась и ис-

чезала. Признаки разные и в основном малосущественные. Но у Ника не было никаких необычных симптомов. Ноль, зеро, nada⁴.

– Вы разговаривали с близкими?

– Да.

– И скольких уже опросили?

– Пока что двадцать два человека, включая вас. – Увидев выражение лица Гвин, Джейн сказала: – Да, я знаю, это навязчивая идея. Может быть, я занята дурацким делом.

– Ничего дурацкого здесь нет, милая. Иногда просто... трудно начать. И куда вы поедете дальше?

– Близ Сан-Диего живет один человек, с которым я хочу поговорить. – Она откинулась на спинку стула. – Но эта конференция в Вегасе меня заинтриговала. У вас ничего не осталось после нее – например, брошюры или, лучше всего, полной программы?

– Может быть, наверху, в кабинете Гордона, что-то есть. Пойду посмотрю. Еще кофе?

– Нет, спасибо. Я выпила много за завтраком. Что мне нужно – так это туалет.

– Дверь в коридоре. Идемте, я вам покажу.

Минуты две спустя, стоя в безупречно чистом – никакой паутины – туалете с раковиной и моя руки, Джейн посмотрела на себя в зеркало. И уже в который раз подумала о том, что, отправившись два месяца назад в этот крестовый поход,

⁴ Ничего (*исп.*).

она совершила худшую ошибку в своей жизни.

Ей было что терять. И не только жизнь. Жизнь волновала ее меньше всего.

Усиливавшийся ветер урчал, спускаясь с крыши через туалетный вентилятор на второй этаж и затем на первый, словно тролль, переехавший из-под своего моста в дом с шикарным видом из окон.

Когда Джейн вышла из туалета, наверху раздался выстрел.

8

Джейн вытащила свой пистолет, схватила его обеими руками, нацелила в пол справа от себя. Ей не позволили взять в отпуск служебное оружие. Но этот она любила не меньше, а может, и больше: боевой пистолет «хеклер-кох» модели 23 для патронов калибра .45 АСР.

Она явно слышала выстрел. Сомнений не было. Ни до выстрела, ни после – никаких криков, никаких шагов.

Она знала: после Аризоны хвостов за ней не было. Если кто-то подждал ее здесь, он расправился бы с ней, когда она сидела в кухне за столом – одна вдова напротив другой. Когда она расслабилась.

Может быть, убийца взял Гвин в заложники и выстрелил лишь раз, чтобы заманить Джейн на второй этаж. Это было лишено смысла, но большинство плохих ребят руководствовались эмоциями, логики и разума им не хватало.

Она подумала еще об одной возможности, но пока не хотела идти туда.

Если здесь есть черная лестница, то, скорее всего, на кухне. Правда, она не заметила никакой лестницы. Там были две закрытые двери. Одна, конечно, ведет в кладовку. Вторая, вероятно, – в гараж. Или в помещение для стирки. Значит, только парадная лестница.

Джейн не любила лестниц. Никуда не уклониться, ни вправо, ни влево. Нет возможности для отступления, потому что в этом случае ты подставляешь спину стрелку. Приняв решение, она сможет идти только вверх, и каждый из двух узких лестничных пролетов превратится в тир.

На площадке между пролетами она наклонилась и быстро обогнула стойку перил. Наверху не было никого. Сердце стучало, как барабан на параде. Не поддаваться страху. Она знала, что делать. Она делала это прежде. Один из ее инструкторов говорил, что это балет без трико и балетной пачки: надо только знать движения и понимать, когда именно их совершать, а в конце представления тебе, образно выражаясь, под ноги будут бросать цветы.

Последний пролет. Профессионал попытается снять ее в этом месте. Он будет целиться вниз, опустив ствол чуть ниже уровня глаз, а Джейн – вверх, так что пистолет окажется на ее линии прицеливания: шансов на точный выстрел у него будет больше.

Она уже наверху и все еще жива. Держит пистолет в обе-

их руках. Руки выставлены вперед. Остановиться и прислушаться. В коридоре наверху нет никого.

Остается только убедиться, есть ли кто в комнатах за дверями; сделать это не менее опасно, чем было на лестнице. Ее могут убить, как только она перешагнет порог, прямо здесь, в конце пути.

Гвин Лэмберт сидела в кресле в главной спальне, голова была откинута влево. Правая рука лежала на коленях, пистолет все еще был зажат в пальцах. Пуля вошла в правый висок, пробила мозг и вышла из левого, закидав ковер обломками костей, ключьями волос и кое-чем похуже.

9

Сцена не показалась Джейн постановочной. Настоящее самоубийство. Ни криков перед выстрелом, ни шагов, ни каких-либо звуков после события. Только движение и действие – и ужас, или облегчение, или сожаление в кратком промежутке между ними. Ящик прикроватной тумбочки открыт, – вероятно, там и лежало оружие для самозащиты.

Джейн знала Гвинет совсем недолго, чтобы проникнуться скорбью. Тем не менее ее охватила тупая, но глубокая печаль и резкая злость – злость оттого, что это не было ни заурядным убийством, ни следствием душевных переживаний или депрессии. Для женщины, овдовевшей всего две недели назад, Гвин хорошо справлялась с горем – испекла булочки,

чтобы угостить родню и друзей, которые помогали ей пройти сквозь весь этот мрак. И потом, хотя Джейн почти не знала эту вдову военного, в одном она не сомневалась: Гвин не стала бы усугублять страдания другой скорбящей вдовы, сделав так, чтобы та первой обнаружила очередного самоубийцу.

Неожиданно запищало какое-то устройство. Джейн мгновенно отвернулась от тела и подняла пистолет. Никого. Звук доносился из соседней комнаты. Она осторожно подошла к открытой двери, но тут узнала звук: сигнал «Американ телефон энд телеграф», предупреждающий клиента, что трубка снята с рычага уже давно. Она вошла в кабинет Гордона Лэмберта. На стенах висели фотографии молодого Гордона: вот он в полевой форме позирует вместе с братьями-морпехами в разных экзотических краях, вот он в парадном мундире, высокий и красивый, стоит рядом с президентом. Висел здесь и флаг в рамке, который поднимали в бою.

Трубка настольного телефона лежала на ковре, провод растянулся. Джейн достала из кармана жакета хлопчатобумажный носовой платок, который использовала только для стирания отпечатков пальцев, и с его помощью взяла трубку, думая о том, с кем могла говорить Гвин, перед тем как принять роковое решение. Она подняла трубку и нажала кнопку «повтор», но безрезультатно.

Гвин поднялась сюда якобы для того, чтобы найти брошюрку или программу с конференции «Что, если». Джейн подошла к столу и открыла ящик.

Зазвонил телефон. Она не удивилась. Определителя номера у аппарата не было. Джейн подняла трубку, но ничего не сказала. На другом конце провода находился такой же осторожный человек, как она. Это не было ложным звонком, связанным со сбоем системы, и, кроме того, звонивший явно не ошибся номером. В трубке слышалась музыка, старая американская песня, записанная еще до ее рождения: «A Horse with No Name»⁵.

Она повесила трубку первой. Участки здесь были большими – вряд ли кто услышал бы одиночный выстрел. Но ее ждало неотложное дело.

10

Может быть, кто-то шел к дому. А может, у них был агент неподалеку. Но так или иначе, осторожность заставляла быть готовой к появлению враждебно настроенных посетителей. Времени обыскивать кабинет генерала уже не оставалось.

На первом этаже Джейн вытерла все, на чем могла оставить отпечатки, быстро вымыла и убрала кружки из-под кофе и ложки. Хотя ее никто не слышал, она старалась делать все как можно тише. С каждой неделей движения ее становились все бесшумнее, словно она вскоре собиралась превратиться в призрака и замолкнуть навсегда.

⁵ «Лошадь без имени» (англ.).

В туалете с раковиной ее внимание привлекло зеркало. Задача, которую она взяла на себя, выглядела настолько нереальной, а сделанные ею открытия – такими необычными, что иногда разумно было считать невозможное возможным. Следовало допустить, что в зеркале осталось ее изображение, способное послужить уликой.

Выходя из дома через переднюю дверь, она чувствовала себя чуть ли не ангелом смерти. Она пришла, женщина умерла, она ушла. Говорили, что когда-нибудь смерти не станет. Если так, значит и смерть может умереть.

Проходя мимо соседних зданий, она не видела ни души – никто не выглядывал в окна, не сидел на крыльце. Все дети разбежались по домам в преддверии грозы. Единственными звуками были голоса ветра, налетающего порывами, словно человечество изгнали, а созданные им строения оставили лишь для того, чтобы их разрушила стихия.

Джейн доехала до конца квартала, где можно было повернуть налево либо ехать прямо. Она проехала с полмили в том же направлении, затем свернула вправо и почти сразу же – влево, пока еще не зная точно, куда поедет, и поглядывая в зеркало заднего вида. Убедившись, что хвостов нет, она выбралась на федеральную автомагистраль и поехала на запад, к Сан-Диего.

Возможно, когда-нибудь вся планета окажется под непрерывным пристальным наблюдением и машины без транспондеров будут отслеживаться так же легко, как и те, что оборудованы

дованы этими устройствами по закону. В таком мире Джейн никогда не начала бы с поездки к Лэмбертам.

11

Однажды вечером – дело было в прошлом ноябре, за шесть дней до смерти Ника, – Джейн лежала в кровати, ждала, когда муж закончит чистить зубы, и смотрела по телевизору заинтересовавший ее репортаж, который теперь часто всплывал в памяти, словно намек: это, мол, имеет отношение к нынешним событиям.

Сюжет был посвящен созданию мозговых имплантатов с использованием светочувствительных протеинов и оптоволоконка. Разработчики утверждали, что мы поддерживаем постоянный диалог со своим мозгом: наши чувства «записывают» информацию, а мозг «считывает» инструкции. Проводились эксперименты, в ходе которых мозговые имплантаты воспринимали инструкции от мозга и передавали их через точки обрыва внутренних связей, наступившего после инсульта или повреждений спинного мозга: человек с парализованными ногами приводил их в движение усилием мысли. Люди, прикованные к постели или даже лишённые дара речи вследствие нервно-мышечных заболеваний, с помощью имплантатов смогут продумывать свою часть разговора и слышать, как она произносится. Благодаря светочувствительным протеинам мысли будут преобразовываться в све-

товые импульсы, обрабатываться специальной программой и озвучиваться через компьютер. В то время Джейн поражалась тому, с какой скоростью все меняется, и думала, что мир чудес уже близок.

Но теперь она оказалась в мире насилия и ужаса, к которому этот старый репортаж, казалось, не имел никакого отношения. И все же она мысленно возвращалась к нему, словно он был крайне важен.

Может быть, она запомнила эту историю не из-за ее содержания, а из-за слов, которые сказал Ник вскоре после этого. Он улегся в кровать, уставший после трудного дня, она тоже устала, ни у кого не осталось сил заниматься любовью, но было так хорошо лежать бок о бок, держаться за руки и разговаривать. Перед тем как уснуть, он поднес ее руку к губам и сказал: «Убаюкай меня». Эти слова звучали в самых сладких снах Джейн, когда они с Ником разговаривали в разнообразных причудливых ситуациях, и непременно – с огромной нежностью.

12

В баре «У Бенни», стоявшем на берегу, атака террористов близ Филадельфии занимала клиентов не меньше, чем Кубок Стэнли. Двадцать четыре часа, семь дней в неделю – спортивных передач в прямом эфире и в записи хватало, чтобы удовлетворить любого болельщика, но сейчас, во время

ланча, два телевизора показывали кабельные новости, бегущая строка внизу сообщала о числе погибших и гневных заявлениях политиков, а не о прошлых победах и статистике выступлений игроков.

Бар, вообще-то, располагался не на берегу, а в двух кварталах от него, поодаль от шума прибоя, и вот уже полвека, если верить вывеске, был любимым местом жителей Сан-Диего, но, скорее всего, больше не принадлежал человеку по имени Бенни, если вообще когда-либо принадлежал ему. Среди клиентов преобладали представители среднего класса, численность которого в последнее десятилетие неуклонно сокращалась. Пока еще никто не выпил достаточно, чтобы разразиться эмоциями перед лицом этого ужаса, хотя Джейн почти физически ощущала гнев, страх и потребность в единении, которые привели всех в бар и усадили на табуреты и стулья.

Она устроилась в последней выгородке, которая была уже остальных и вмещала всего двоих человек, а не четверых. В те времена, когда здесь заправлял Бенни, вместо столешницы из гранитных пластин явно была пластмассовая. Столы, дизайнерская ткань на подушках и табуретах, пол из разноцветных мраморных ромбиков – все это было претензией на процветание и высокий статус, так никогда и не достигнутый, но при этом выглядело настолько по-американски, что Джейн сочла интерьер вполне уместным.

Среди посетителей был колумнист из местной газеты,

пришедший, чтобы съесть ланч и выпить одну-две пинты пива, хотя он и здесь не смог сдержать своих журналистских инстинктов. Джейн видела, как он прошел по длинному залу с блокнотом, ручкой и бутылкой «Хейнекена», раздавая визитки и беседуя с посетителями о последнем теракте.

Ему было около сорока, ухоженные волосы выглядели так, словно он тратил на них больше, чем посоветовал бы бухгалтер. Он гордился своей подтянутой задницей, которую джинсы облегали чуть больше, чем следовало. Еще он любил свои руки, и поэтому рукава рубашки были закатаны, несмотря на прохладный день.

Он подошел к Джейн как репортер и как мужчина, смерил ее оценивающим взглядом, который некоторым женщинам – не ей – показался бы оскорбительным. Он не вел себя похамски и никак не мог знать, что она вне игры. Джейн прекрасно знала, что мужчины замечают ее при любых обстоятельствах, и если она откажет ему в трехминутной беседе, вежливо или категорически, то просуществует в его памяти дольше и в виде более яркого образа.

Репортера звали Келси; она представилась как Мэри и пригласила его сесть за столик напротив нее.

– Ужасный день.

– Один из многих.

– У вас есть кто-нибудь в Филадельфии – семья, друзья?

– Нет, они мои сограждане, ничего больше.

– Да. И все равно больно.

– Так и должно быть.

– И что, по-вашему, мы должны с этим делать?

– Вы и я?

– Все мы.

– Понять, что это часть более крупной проблемы.

– И что это за проблема?

– Идеи не должны быть важнее людей.

Он вскинул брови:

– Интересно. Нельзя ли развить эту мысль?

Объясняя, Джейн переставила слова и убрала «не»:

– Люди должны быть важнее идей.

Репортер ждал продолжения, но вместо этого Джейн откусила предпоследний кусок от бургера. Тогда он сказал:

– Моя колонка не политическая, я пишу о том, что интересует людей. Но если бы вы хотели наклеить на себя политический ярлык, что бы вы сказали?

– Отвратительно.

Он рассмеялся и записал что-то в блокноте.

– Вероятно, вы состоите в самой массовой политической партии. Откуда вы?

– Из Майами, – солгала она. – Знаете, чем вам следует поинтересоваться?

– Чем же?

– Ростом числа самоубийств.

– А есть рост?

– Проверьте.

Он не сводил с нее глаз, одновременно поднес бутылку к губам, закинул голову, делая глоток.

– Почему такая девушка, как вы, интересуется такой мрачной темой?

– Я социолог, – солгала она. – Вы когда-нибудь предполагали, что люди могут привыкнуть к такому дерьму, как филадельфийская атака?

Колонка журналиста была посвящена вопросам, интересующим широкую публику, но у него был глаз полицейского репортера, и он не просто смотрел на вещи, а снимал с них слой за слоем.

– Привыкнуть? Как это?

Джейн показала на ближайший телевизор:

– Вот эта история, которой они посвящают по минуте каждый час, вставляя между репортажами из Филадельфии.

Бывший губернатор Джорджии выстрелами из пистолета убил жену и человека, сделавшего большие вложения в его избирательную кампанию, а потом покончил с собой.

– Вы имеете в виду кошмар в Атланте, – сказал Келси, цитируя название статьи в одном из таблоидов, которое намертво приклеилось к этой истории. – Ужасный случай.

– Вчера это было бы заметным событием. Но оно произошло в один день с филадельфийским терактом, и на следующей неделе все уже забыли о нем.

Журналист, похоже, не уловил намека:

– Говорят, что у его жены был роман с этим богачом-спон-

сором.

Джейн доела бургер и вытерла руки о салфетку.

– Вот одна из главных загадок нашего времени.

– В чем она состоит?

– Мы все время слышим «Говорят, что...». Кто говорит, черт возьми?

Он улыбнулся и показал на ее пустую бутылку:

– Позвольте купить вам «Дос Экис»?

– Спасибо, но больше одной не пью. Вы знаете, что число убийств тоже растет?

– Да, конечно, мы об этом писали.

Появилась официантка, и Джейн попросила счет. Встав и склонившись через стол к Келси, она прошептала:

– Можно поспорить о следующих цифрах.

Он принял ее непринужденную манеру за своего рода приглашение, тоже склонился к ней и проговорил:

– Расскажите мне об этом.

– Убийства-самоубийства. Случай с губернатором, возможно, указывает на определенную тенденцию. На следующую фазу, так сказать.

– Следующую фазу – чего?

До этого момента она говорила искренне, а теперь невозможно принялась фантазировать, чтобы отделаться от него.

– Того, что началось в Розуэлле.

Он был достаточно опытным журналистом: улыбка не замерла на губах, глаза не остекленели.

– Розуэлл, что в Нью-Мексико?

– Да, там они высадились в первый раз. Вы ведь не из тех, кто отрицает существование НЛО?

– Ничуть, – ответил он. – Вселенная бесконечна. Ни один мыслящий человек не может считать, что мы в ней одни.

Но к тому времени, когда принесли счет, выяснилось, что Келси не заглотив наживку. Она спросила, верит ли он в возможность похищения людей инопланетянами; репортер поблагодарил Джейн – или Мэри из Майами – за то, что она поделилась своими соображениями, и обратился к следующему посетителю.

Расплатившись наличными и протиснувшись сквозь толпу пришедших на ланч, она оглянулась – быть может, интуитивно – и увидела, что колумнист смотрит на нее. Затем он отвел взгляд и поднес к уху телефон.

Это был случайный человек на пути Джейн, от которого она очень умно отделалась, просто человек, которому все еще нравилось то, что он видел вокруг. Телефон был совпадением, никак не связанным с Джейн.

И тем не менее, выйдя на улицу, она ускорила шаг.

13

Чайки, словно белые воздушные змеи на фоне вулканически-темных клиньев надвигающейся грозы, взмывали вверх, а потом пикировали, чтобы оказаться в безопасности – на

карнизах зданий, среди ветвей финиковых пальм.

Джейн могла бы воспользоваться парковкой у ресторана, но оставила «форд» в двух кварталах от здания, у паркомата за углом.

Она подошла к автомобилю с дальней стороны улицы, так, словно он несколько ее не интересовал, а сама все время обзревала окрестности – не наблюдает ли кто за машиной? Уже не в первый раз Джейн говорила себе, что именно так идут по жизни законченные параноики, но все еще верила в свое здравомыслие. Не заметив никакого наблюдения, она тем не менее прошла один квартал после того, как поравнялась с «фордом», и лишь тогда пересекла улицу и приблизилась к машине сзади.

Репортер поблагодарил ее за то, что она поделилась с ним своими соображениями; Джейн и в самом деле всегда была готова делиться с другими, в том смысле, что не скрывала от них своих чувств, надежд, намерений и убеждений. Поэтому с каждым днем ей было все труднее оставаться в самоизоляции. Поскольку дружба требовала открытости, пришлось отказаться от встречи со старыми друзьями и пока не завязывать новых знакомств. Поделившись своими мыслями и чувствами, Джейн могла навлечь гибель на себя или своего собеседника.

Когда Джейн продала дом, перевела все сбережения в наличность и положила деньги в места, где их было нелегко найти, она полагала, что «продолжительность» может соста-

вить шесть месяцев. Теперь, когда прошло два месяца и позади остались почти три тысячи миль, она утратила обманчивую уверенность в том, что может назвать, хотя бы приблизительно, срок окончания своей миссии.

Она отъехала от тротуара и влилась в поток машин. Почти все легковушки, внедорожники, грузовики и автобусы непрерывно посылали сигналы о своем местонахождении в интересах коммерческих собирателей данных, полиции и всех, кому принадлежит будущее.

14

Новая Центральная библиотека Сан-Диего – выглядевшая, в зависимости от ваших пристрастий, символом триумфа постмодернизма либо жалким эклектическим сооружением – располагала помещениями площадью почти в полмиллиона квадратных футов на девяти этажах, что было слишком много для целей Джейн. Все они находились под пристальным приглядом видеокамер – трудно выйти незамеченной, если идешь быстро, и незаметно войти в чрезвычайной ситуации. Она отправилась на поиски более старой части библиотеки.

Несколько недель назад она избавилась от своего ноутбука. Компьютеры позволяли определять местонахождение с такой же точностью, как и автомобильные навигаторы. Но и теперь, занимаясь поисками в Интернете, она предпочитала

не задерживаться в одном месте.

Старое здание было построено в испанском колониальном стиле: неоригинальная, но честная архитектура, черепичная крыша, бледно-желтые оштукатуренные стены, окна с бронзовыми рамами и средниками. Цветущие банановые пальмы загребали воздух большими, похожими на весла ветками, словно пытались переправить здание в более безмятежные времена. С другой стороны автостоянки простирался парк с петляющими тропинками, зоной для пикников и детскими площадками. Джейн по привычке проехала мимо библиотеки, поставила машину в полтора кварталах от нее, на боковой улице, вытащила из сумочки небольшой блокнот, авто-ручку и кошелек, затолкала сумочку под сиденье, вышла и заперла двери.

В библиотеке было больше книжных стеллажей, чем компьютеров. Она выбрала вторую машину – за первой сидел неприветливый с виду обитатель улицы, а значит, остальные посетители вряд ли стали бы занимать компьютеры в этом секторе.

Темные волосы, торчащие в разные стороны, точно прутья ведьминской метлы, ощетинившаяся борода уличного пророка с белой полосой, словно удар молнии сделал ее жесткой и кое-где обесцветил, туфли со шнурками, камуфляжные брюки, зеленая фланелевая рубашка, нейлоновая куртка-пуховка, – этот нескладный человек явно сумел обойти библиотечную блокировку запрещенных сайтов и теперь смот-

рел порноролики, выключив звук.

Он едва удостоил Джейн взглядом. При этом он не гладил себя – сидел, положив руки на стол, и вглядывался в экран со скучающим и, похоже, удивленным видом. Есть наркотики типа экстази, которые при длительном приеме в большом количестве блокируют выработку естественных эндорфинов, и без поступления химических веществ человек перестает испытывать восторг, радость или умиротворения. Возможно, именно в таком состоянии и находился этот уличный житель: на его обожженном солнцем морщинистом лице отсутствовало какое-либо выражение и он, словно истукан, смотрел в монитор, не двигаясь и явно не понимая, что там происходит.

Джейн нашла сайт Института Гернсбека, который, среди прочего, организовывал ежегодную конференцию «Что, если». Заявленная цель состояла в том, чтобы «пробудить воображение лидеров бизнеса, науки, администрации и искусства в целях поощрения содержательных размышлений, направленных на поиски неординарных решений важных проблем, стоящих перед человечеством».

Творящие добро. Для людей с недобрыми намерениями нет лучшего прикрытия, чем некоммерческая организация, призванная улучшить условия существования человека. Возможно, большинство сотрудников института в самом деле стремились к добру и творили его, но это не означало, что они понимают скрытые намерения основателей или

свою главную задачу.

Джейн занесла в блокнот те сведения, которые, по всей видимости, были в наибольшей степени связаны с ее расследованием. Она использовала буквенно-цифровой шифр собственного изобретения, и прочесть записи не мог никто, кроме нее. Теперь в блокноте были зашифрованные имена служащих и девяти членов совета директоров института. И только одно – Дэвид Джеймс Майкл – показалось ей знакомым.

Дэвид Джеймс Майкл. Человек с тремя именами. Где-то он всплывал среди этого хаоса имен, дат и мест. Позже она просмотрит свои записи и найдет его.

Бездомный перешел от порносайтов к роликам с собаками на «Ютубе». Звук оставался выключенным. Его руки покоились по бокам от клавиатуры, траченное временем лицо было лишено всякого выражения – как часы.

Джейн вышла из Интернета, сунула в карман блокнот и ручку, встала, подошла к бездомному и положила две двадцатидолларовые бумажки на стол, рядом с компьютером.

– Спасибо за службу стране.

Он посмотрел на нее так, будто с ним заговорили на незнакомом ему языке. Серые глаза были не воспаленными или мутными от алкоголя, а ясными и внимательными.

В ответ на его молчание Джейн указала на татуировку на тыльной стороне его правой руки: в синем наконечнике копья поднятый золотой меч, пересеченный тремя золотыми

молниями, – знак Десантных войск специального назначения с буквами «ДДТ» под ним.

– Думаю, вам было нелегко.

Кивнув в сторону банкнот, он сказал:

– Есть те, кому они нужнее.

Голос звучал по-медвежьему, явно из-за воспаления горла.

– Но я не знаю их, – сказала Джейн. – Буду благодарна, если вы передадите деньги вместо меня.

– Это я могу. – Он не взял денег и снова стал смотреть ролики с собаками. – Рядом есть бесплатная кухня, там всегда рады пожертвованиям.

Джейн не знала, правильно ли она поступила, но это было единственное, что она могла сделать.

Покидая нишу, где стояли компьютеры, Джейн оглянулась. Мужчина не смотрел на нее.

15

Гроза еще не началась. Небо над Сан-Диего тяжело нависало в предвечерних сумерках, словно дождь и гром, зародившись над далеким Алайном и так и не став реальностью, в последние несколько часов переместились к городу, чтобы присоединиться к надвигающемуся потопу. Порой вода и история движутся слишком медленно для того, кто спешит узнать, что будет дальше.

Пройдя по петляющей тропинке в парке рядом с библиотекой, Джейн увидела впереди фонтан в середине зеркального пруда, подошла к нему и села на одну из скамеек. Множество тонких струек взмывало вверх, насыщая воздух серебряными каплями.

В этот час народа почти не было – Джейн видела человек шесть-семь. Двое выгуливали собак, торопясь сильнее, чем делали бы это под более доброжелательным небом.

Джейн вытащила блокнот из внутреннего кармана спортивной куртки, открыла страничку с постоянно растущим списком имен и нашла предыдущее упоминание о Дэвиде Джеймсе Майкле. Как она только что выяснила, этот человек заседал в совете директоров Института Гернсбека – организации, устраивавшей конференции «Что, если», куда допускались только специально приглашенные участники. Среди них были Гордон и Гвин Лэмберт, покончившие с собой.

Первая запись о Майкле отсылала к самоубийству Т. Куинна Юбанкса в Трэверс-Сити, штат Мичиган. Юбанкс, унаследовавший хорошее состояние и сам добившийся многого, заседал в советах директоров трех благотворительных фондов, включая Фонд семян, где одним из директоров был Дэвид Джеймс Майкл.

Стало ясно, в каком направлении нужно продолжать поиски. Ясно в той мере, в какой было ясно все остальное.

Но сначала следовало позвонить в Чикаго.

У Джейн всегда был при себе анонимный телефон с пред-

оплаченными минутах. Насколько она знала, отследить такие устройства было невозможно. Вероятно, эти дешевые модели испускали идентифицируемые сигналы, но Джейн всегда покупала их за наличку, а для активации документов не требовалось.

Ее обогнала стайка девочек в школьной форме, откликнувшихся на призыв женщины в современном монашеском одеянии – видимо, та решила, что гроза может начаться в любой момент.

Воздух застыл в неподвижности. Массы холодного и теплого воздуха надвигались друг на друга, как тектонические плиты, столкновение их грозило резкими порывами ветра и проливным дождем через минуту или две после этого. Полагаясь на свою интуицию относительно атмосферных явлений (и не желая пользоваться телефоном в машине, где можно легко попасть в ловушку, если она ошибалась насчет безопасности анонимных устройств), Джейн извлекла трубку из внутреннего кармана куртки и набрала номер прямой линии Сидни Рута.

Жена Сидни, Эйлин, о которой упоминала Гвинет Лэмберт, держала адвокатскую контору и занималась правовой защитой людей с ограниченными возможностями. Эйлин Рут. Первый и последний приступ мигрени у Эйлин случился, когда она уехала на какой-то семинар, а три недели спустя она повесилась в гараже семейного дома. Как и муж Джейн, жена Сидни оставила записку, еще более обескураживаю-

щую и загадочную, чем письмо Ника: «Милый Сейсо говорит, что он был одинок все эти годы, почему он больше не нужен Лини, ведь он всегда был рядом с ней, жил ради нее, и теперь я должна быть рядом с ним».

Ни Сидни, ни трое детей Сидни и Эйлин (Лини) – всем им уже перевалило за двадцать – не знали человека по имени Сейсо.

Джейн ездила в Чикаго и встречалась с Сидни Рутон вскоре после того, как получила отпуск в ФБР, в самом начале своего неофициального расследования, еще до того, как обнаружила, что эти поиски породили таинственный заговор против нее, неуловимый, точно союз призраков. Тогда она действовала под своим настоящим именем; пришлось воспользоваться им и сейчас. После третьего звонка Сидни снял трубку. Он был архитектором, одним из пяти совладельцев крупной компании.

– Да-да, я пытался дозвониться до вас несколько дней назад, – сказал он, – но номер, который вы мне дали, не обслуживается.

– Я переехала, произошло много изменений, – сказала она, не став объяснять ничего больше. – Но загадка никуда не делась, она все еще ждет раскрытия, и я надеюсь, что вы уделите мне несколько минут.

– Конечно. Только закрою дверь своего кабинета. – Он перевел звонок в режим ожидания и вернулся несколько секунд спустя. – Итак, что я могу для вас сделать?

– Я знаю, что некоммерческих компаний множество и в этих кругах по большей части вращалась ваша жена, а не вы. Не говорила ли она о такой организации, как Институт Гернсбека?

Сидни задумался на секунду, потом ответил:

– Это название ничего мне не говорит.

– А «Фонд сеянцев»?

– Тоже.

– А теперь несколько имен. Дэвид Джеймс Майкл?

– Мм... Извините, нет.

– Куинн Юбанк?

– У меня всегда было неважно с именами.

– Семинар в Бостоне, где у Эйлин случилась мигрень, – вы говорили, что это мероприятие было организовано Гарвардским университетом?

– Да, эту информацию можно найти.

– Я нашла. Но меня интересует, не посещала ли она других конференций незадолго до этой или вскоре после нее.

– Эйлин целиком отдавалась работе. У нее был напряженный график. Ничего не припоминаю, но могу поискать сведения для вас.

– Буду вам благодарна, Сидни. Что, если я позвоню в это же время завтра?

– Вы и в самом деле считаете, что проблема не исчезла?

– Не забывайте о статистике самоубийств.

– Я помню. Но я уже говорил: посмотрите, сколько в мире

безумия, насилия, ненависти, посмотрите на экономические кризисы, и вам не понадобится других объяснений того, почему люди все чаще впадают в депрессию.

– Вот только Эйлин не впадала в депрессию.

– Да, не впадала. Но...

– И Ник тоже не впадал.

– В депрессию она не впадала, – сказал Сидни, – и поэтому я пытался дозвониться до вас на днях. Вы помните ее записку?

Джейн процитировала начало по памяти:

– «Милый Сейсо говорит, что он был одинок все эти годы...»

– Поначалу мы почти никому об этом не говорили, – сказал Сидни, – потому что... записка такая странная, совсем не в духе Эйлин. Мы не хотели, чтобы люди думали о ней как о... психически нездоровой – пожалуй, так. Недавно ее тетушка, единственная из оставшихся в живых, разгадала эту загадку. Ну, вроде как разгадала. Когда Эйлин было четыре или пять, она дружила с неким воображаемым другом по имени Сейсо. Разговаривала с ним, сочиняла про него истории. А потом, как это обычно случается, забыла о нем. Кто знает, почему в конце жизни она вернулась ко всему этому?

Джейн пробрала дрожь при мысли о том, что давно забытый воображаемый друг просит пятидесятилетнюю женщину умереть и таким образом оказаться рядом с ним. Правда, она не смогла бы объяснить причину своего страха.

– Как вы поживаете? – спросил Сидни.

– Нормально. Сплю плохо.

– И я тоже. Иногда просыпаюсь от собственного храпа и извиняюсь перед ней за шум. Ну, то есть извиняюсь вслух. Забываю, что ее больше нет.

– Я много езжу, останавливаюсь в мотелях, – сказала Джейн, – и не могу спать в двухспальных кроватях. Ник был крупным мужчиной. Поэтому мне нужны огромные кровати, иначе я как бы соглашаюсь с тем, что он ушел. И поэтому я вообще не сплю.

– Вы все еще в отпуске?

– Да.

– Советую снова взяться за работу, настоящую работу, и не гнаться за непонятными призраками.

– Может, я так и сделаю, – солгала Джейн.

– Не хочу показаться занудой, но мне работа помогла.

– Может, я так и сделаю, – солгала она еще раз.

– Оставьте мне свой новый телефон. Позвоню, когда выясню, на каких еще конференциях бывала Эйлин в то время.

– Я вам позвоню завтра, – сказала она. – Спасибо, Сидни.

Вы красавчик.

Она закончила разговор, огляделась и увидела, что в парке, кроме нее, не осталось ни души. Насколько хватало глаз, все лужайки и тропинки были пусты. Ни самодовольных голубей, ни вертявых белок.

Если бы Джейн не знала, где находится и какой сейчас

день и год, то вполне могла бы допустить, что попала в Арктику.

По улицам, примыкавшим к парку с севера и юга, постоянно проезжали машины: ворчали двигатели, визжали покрышки, слышалось шипение пневматических тормозов, время от времени раздавался гудок или дребезжала крышка канализационного люка. Не успела Джейн отойти от фонтанных струй, как звук уличного движения показался ей странно приглушенным, словно парк накрыло герметичным двойным стеклом.

Воздух под давлением оставался спокойным, небо заполнили темные, как сталь, горы, которые грозили пролиться дождем; город ждал, окна зданий были освещены, хотя обычно в этот час сверкали под лучами солнца, водители включили фары, машины скользили в искусственном мраке, словно подводные лодки, уносимые морскими течениями.

Отойдя от фонтана всего на несколько шагов, Джейн услышала жужжание, словно рядом находилось осиное гнездо. Поначалу звук доносился будто бы сверху, потом – сзади, но когда она описала круг и снова встала лицом к пальмовым зарослям, к которым направлялась раньше, то увидела источник шума в воздухе, футах в двадцати от себя. Это был дрон.

Квадрокоптер – последнее слово техники, гражданская модель, значительно уступавшая по размерам любой из военных, – напоминал миниатюрный аппарат для посадки на Луну, скрещенный с насекомым. Он походил на «Ди-джи ай инспайр 1 про», хотя был побольше и тянул тысяч на семь долларов. Риелторские компании снимали с помощью таких беспилотников недвижимость, выставленную на продажу, другие фирмы также применяли их все чаще и чаще. Еще ими пользовались состоятельные люди с самыми разными увлечениями – от бескорыстных любителей техники до далеких потомков Любопытного Тома⁶.

Дрон парил в воздухе на высоте от восьми до десяти футов, под каскадом ветвей финиковых пальм, – воплощение ужасного механического божества, явленного в тысячах фильмов и романов: угроза легче воздуха с ударом таким же сильным, как у кувалды. У Джейн мороз пошел по коже. Этот аппарат нарушал все правила пользования гражданскими дронами – по крайней мере, в той степени, в какой она была с ними знакома.

Нет, присутствие здесь дрона не было случайным. Камера на трехосевом подвесе смотрела прямо на Джейн.

⁶ *Любопытный Том* – согласно легенде, единственный житель Ковентри, открывший глаза, чтобы увидеть обнаженную леди Годиву, и мгновенно ослепший.

Она выдала свое местонахождение. Сейчас не имело значения, какая ошибка была допущена, – об этом она подумает потом.

Если резервный аккумулятор позволял дрону находиться в воздухе вдвое дольше, чем «Инспайру 1 про», значит его полетное время составляло от получаса до сорока минут. Получается, аппарат запустили в воздух неподалеку отсюда, скорее всего, из фургона, служившего для наблюдения за Джейн.

Оператор дрона будет следить за ней, пока не придут агенты, в нужном количестве, и не арестуют ее. Но возможно, эти люди не принадлежали к законным силовым структурам, и тогда агентов не будет, они просто... захватят ее. Они ее преследовали. Вездесущие, почти мистические «они». Но Джейн понятия не имела, кто такие «они».

В любом случае они уже были рядом.

Парк все еще выглядел пустым. Это будет продолжаться недолго.

Джейн не стала бросаться наутек, а, напротив, двинулась к дрону и тут заметила то, что заставило ее приглядеться внимательнее. Проявленная решимость позволила ей обнаружить – раньше, чем если бы она вела себя иначе, – что квадрокоптер был не гражданским и притом основательно переделанным. Может быть, предгрозовая темнота и тени среди пальм ввели ее в заблуждение (хотя она знала, что это не так), а может быть, паранойя заставила ее принять невин-

ную деталь за глушитель на узком отверстии ствола – но она знала, что паранойя не имеет к этому никакого отношения.

Дрон был оснащен оружием.

Когда аппарат направился к ней, она нырнула в сторону и укрылась за плотным стволом пальмы. Если бы она сразу же развернулась и побежала, то уже получила бы пулю в спину.

В это короткое, отчаянное мгновение, находясь в укрытии, она вытащила из наплечной кобуры свой «хеклер-кох».

Мысли метались, мозг пытался оценить масштаб угрозы. Проблемы с весом ограничивали возможности переоборудования гражданского дрона в боевую систему с магазином большой емкости. Без вооружения средний дрон – с камерой и аккумулятором – весил около восьми фунтов. Оружие и боеприпасы отрицательно влияли на устойчивость и сокращали полетное время. Значит, на нем малокалиберный ствол, а запас патронов невелик. И вряд ли стрельба окажется точной.

Конечно, и одного попадания будет достаточно.

Джейн предполагала, что убийца с пультом дистанционного управления появится слева. Потом она услышала, как он огибает массивную старую пальму справа от нее.

Она отошла в сторону, так что камера не успела ее засечь. Стоя спиной к стволу огромной пальмы, диаметром в три фута, она постоянно меняла свое положение, глядя на приближающийся дрон.

Спусковой механизм не такой, как у обычного стрелково-

го оружия. Ни рукоятки, ни стандартного магазина. Только основное. Калибр .22. Что-то вроде миниатюрной ленточной подачи и, скажем, четыре патрона.

У нее имелось преимущество – наличие слуха. Дрон снабдили глазом, но не ухом. Дистанционный оператор, по существу, был глухим. Но разрывные пули с полой оболочкой, пусть даже калибра .22, вполне могли убить человека на небольшом расстоянии.

Она перестала прятаться, отошла от дерева, быстро обогнула его и стала смело приближаться к дрону.

Сектор обзора оператора равнялся приблизительно семидесяти градусам. Должно быть, он почувствовал угрозу в слепой зоне. Жужжа, как рассерженный шмель, дрон вдруг начал разворачиваться, паря на месте.

Держа пистолет обеими руками, Джейн выпустила три, четыре, пять пуль с близкого расстояния, и каждый раз грохот выстрела, словно бильярдный шар, отскакивал от всех пальмовых стволов. В дьявольскую машинку с шасси и пропеллерами, с узким фюзеляжем, с камерой на карданном подвесе было не так-то легко попасть, и Джейн предпочла бы пистолету дробовик. В то же время этот дедушка Терминатора не имел брони и вообще не мог противостоять огню. Неизвестно, сколько пуль попало в дрон, одна или пять, но от него отлетели какие-то детали, он описал круг, ударился о пальму и рухнул на траву. Аппарат стоимостью в несколько тысяч долларов превратился в грошовую кучу мусора.

Джейн не знала, что есть и второй дрон, но затем увидела, как он быстро приближается со стороны фонтана.

17

Два дрона, фургон, из которого их запускали, – вскоре откуда-нибудь должны были появиться четверо или больше пешеходных бойцов. У них были все необходимые средства, и они хотели заполучить Джейн – возможно, сильнее, чем она полагала.

Она повернулась, чтобы убежать от второго беспилотника, но прямо перед ней оказалась громадная финиковая пальма. Прежде чем Джейн успела обогнуть дерево, целый колчан тонких стальных иголок вонзился в ствол, образовав вертикальную линию в нескольких дюймах от нее.

Такие вещи нужно знать. Дрон весом в восемь или десять фунтов не выдержит отдачу даже ствола калибра .22. Его оснастили пневматическим оружием с низкой отдачей. Снаряды, строго говоря, не были дротиками, так как не имели стабилизаторов, – что-то вроде миниатюрных арбалетных стрел. Яд? Транквилизатор? Вероятно, второе. Им нужно было ее допросить, и поэтому для самой Джейн яд выглядел предпочтительнее.

Невидимая с улицы Джейн петляла среди пальм, машина жужжала, преследуя ее, птицы вылетали из-под каскадов пальмовых ветвей, кричали, верещали, недовольные тем, что

их выгнали наружу в преддверии грозы. Из-за больших крон пальмы стояли дальше друг от друга, чем хотелось бы Джейн, и ей приходилось слишком долго оставаться на открытом пространстве. Она петляла и пригибалась, надеясь избежать попадания, но в отчаянных поисках укрытия понимала, что у нее нет вариантов – только безумное бегство. В безветренную погоду дрон, вероятно, развивал около двадцати метров в секунду, летя гораздо быстрее, чем бежала Джейн. Долго убежать она не смогла бы, как и повторить сработавший однажды трюк с огибанием дерева: дрон мог быть безмозглым, но тот, кто управлял им, – нет.

Пистолетные выстрелы привлекли бы внимание полиции, но это не обязательно пошло бы на пользу Джейн. С тех пор как все началось, два месяца назад, она успела понять, что не все полицейские на стороне добра, что в нынешнее опасное время, когда тени отбрасывают собственные тени, когда темноту нередко принимают за свет, справедливость и несправедливость имеют одно лицо.

Огибая одно дерево за другим в беге с препятствиями, соревновании, которое она неминуемо проиграла бы, в этом странном, словно сон, выяснении отношений среди финиковых пальм, без всякой надежды восстать из мертвых наподобие феникса, Джейн вдруг почувствовала, как ее подергивают за правый рукав. Огибая очередную пальму, она увидела три тоненькие иголки, пронзившие спортивную куртку в месте изгиба материи, – до тела оставалась какая-нибудь до-

ля дюйма.

В ранних сумерках этого закутанного в саван дня неожиданно вспыхнул апокалиптический свет, сверкнув над парком так, словно он намеревался воспламенить все, к чему прикасался, и заявить о скором превращении мира в пепел и прах, отчего все тени либо запрыгнули в отбрасывавшие их предметы, либо покатались по лужайкам и дорожкам, как изгнанные духи в поисках нового пристанища. Джейн поняла, что небеса швырнули молнию, ударившую поблизости, лишь через секунду после вспышки, когда гром сотряс землю с такой силой, что земля содрогнулась под ее ногами во время бега.

В Куантико она, среди прочего, усвоила: надо жить, используя то, чему ее научили, делать то, что было проверено тысячу раз тысячами агентов, но при этом понимать, в какой момент соблюдение инструкции может вылиться в надгробные речи и посмертные награды, и тогда довериться интуиции, лучшему из всех учителей. После ослепительной вспышки мир снова накрыла волна тьмы – в ответ на призыв грома. Когда день окутал Джейн мраком, она упала и перекатилась на спину, уязвимая, как жертва на ацтекском алтаре, а летучий жрец между тем приближался к ней, требуя жертвенной крови. Дрон вращал ствол на шарнире, пытаясь прицелиться в полете, и Джейн, подняв пистолет, выпустила все оставшиеся пять пуль.

Стальной взблеск осветил ее лицо, прошел землю – аппа-

рат выстрелил, но прицел оказался неточным. От попадания дрон задрожал, стал подниматься и разворачиваться, словно собирался набрать высоту для отступления. Но вместо этого он потерял один из своих несущих винтов, пошел вниз, развернулся, наклонившись и закачавшись, затем ускорился и, летя под углом к просвету между деревьями, столкнулся со стволом пальмы на скорости около десяти метров в секунду, после чего развалился, словно брошенное о стену яйцо.

Джейн стояла, но при этом не помнила, как поднялась с земли. Она вытащила пустой магазин, сунула его в карман, вставила новый, с десятью патронами, закрепила пистолет в кобуре и побежала.

18

Выскочив из пальмовой рощи на открытое пространство близ фонтана, Джейн наконец увидела их. Двое спешили навстречу ей с библиотечной парковки, еще трое бежали рысцой с улицы, окаймлявшей парк с севера. Все они были без формы, но по их внешнему виду можно было уверенно заключить, что это не простые граждане, незнакомые с физическими упражнениями.

«Форд-эскейп» стоял у паркомата в одном квартале к югу от парка, но Джейн не хотела вести преследователей к машине, о существовании которой они, возможно, еще не знали. Она устремилась на восток, к самой протяженной части зе-

ленной зоны, радуясь тому, что воздерживалась от углеводной пищи, каждое утро делала зарядку и регулярно бегала.

Даже на расстоянии она чувствовала, что эти пятеро хорошо подготовлены и могли бы играть на позициях защитников в Национальной футбольной лиге: здоровенные ребята, мощные мускулы, серьезный запас энергии. Но Джейн весила сто пятнадцать футов, а каждый из преследователей был раза в два крупнее; лишний вес требовал и дополнительной энергии для перемещения. Она была стройной и легкой, а ее мотивация – выживание – работала гораздо эффективнее всего, что могло двигать ими.

Она не оглядывалась, чтобы не замедлять хода. Ее либо поймают, либо нет, а гонки чаще выигрывает преследуемый, который верит в свою выносливость.

Вторая молния, более яркая, чем первая, прорезала небо и ударила в самое высокое дерево поблизости от Джейн – каменный дуб; полетел град щепок и раскаленных кусочков коры. От главного ствола откололся здоровенный кусок с ветками причудливой формы: фантастическая антенна, принимающая сигналы из бесчисленных миров. Хотя обрушившаяся масса не задела ее, Джейн подняла руку, защищая глаза от шрапнели поломанных ветвей, прутиков и хрустящих овальных листьев коричневого цвета, охваченных огнем и роящихся, как множество зловредных жуков.

Когда последние обломки упали у нее за спиной и звук грома замер, прокатившись по городу, – Джейн уже была

в восточном конце парка, – темное небо вдруг посветлело, став серовато-голубым, и разразилось ливнем. Плоские капли, шипя, продирались сквозь листву и траву, стучали по дорожкам, выбивали дробь на металлических крышках мусорных бачков, принося с собой слабый хлористый запах озона – разновидности кислорода, возникающей под воздействием молнии.

В потоки серебристого дождя внезапно вплелись красноватые нити тормозных огней – водители, нажав на педали, прореагировали на резкое падение видимости. Джейн, не колеблясь, прыгнула с дорожки на проезжую часть, на асфальт, сверкавший под ногами, врезалась в поток машин между двумя перекрестками, вызвав бляение гудков и визг тормозов. Перед ней мелькнули несколько испуганных и сердитых лиц позади неистово работавших дворников, которые не успевали сметать воду с лобовых стекол.

Добравшись в целости и сохранности до противоположной дорожки, она свернула к югу и побежала со всех ног, огибая прохожих, которые, вероятно, раздражались, но не удивлялись при виде молодой женщины без зонта, торопившейся спрятаться под крышей. На углу она повернула, устремилась к северу, пробежала полквартала и оказалась в переулке, а после него – в узком служебном проходе между зданиями, предназначенном только для пешеходов.

На половине длины прохода Джейн наконец рискнула оглянуться. Ни одного из пяти громил она не увидела, но

при этом знала, что не смогла отделаться от всех. Они были где-то поблизости и в любой момент могли оказаться у нее на пути.

Она остановилась только для того, чтобы просунуть анонимный телефон сквозь решетку ливневки. Даже барабанная дробь дождя не заглушила звук, когда мобильник плюхнулся в черную воду. Потом она снова побежала.

19

Из узкого прохода она выскочила на улицу в середине квартала и уже собиралась пересечь ее, когда вдруг увидела ярдах в пятидесяти-шестидесяти от себя, на противоположной стороне, крупного мужчину в темной одежде; такой же промокший, как и Джейн, он стоял, не обращая внимания на спешащих пешеходов. Это мог быть кто угодно, некто, ждущий кого-то, но интуиция заставила Джейн отступить назад, в проход, из которого она появилась несколькими секундами ранее.

Перед тем как исчезнуть в проходе, она поняла, что человек увидел ее. Он поднял голову и напрягся, как замирает на мгновение охотничья собака, уловив запах добычи.

Она вернулась в узкий проход и побежала, моргая из-за воды в глазах; ее тревожило собственное тяжелое дыхание. Горло горело и саднило. Сердце колотилось. Слабая кислота обжигала заднюю стенку горла.

Это просто безумие – охотиться на женщину при свете дня в многолюдном городе. Это безумие, это невероятно, но невероятно и то, что Ник покончил с собой с помощью своего боевого ножа, что Эйлин Рут повесилась в гараже, что джихадисты направили самолет на переполненную автомагистраль.

Она свернула в переулок, по которому пронеслась недавно, прекрасно понимая, что не успеет добежать ни до одного, ни до другого конца квартала, прежде чем появится преследователь. Тут она увидела пикап, припаркованный на задворках ресторана, с логотипом пекарни на кузове. Доставка хлеба, или кондитерских изделий, или того и другого. На водителе был желтый дождевик. Установив четыре больших влагонепроницаемых контейнера на тележку, он покатиł ее в кладовку, а может, на кухню.

Джейн метнулась к водительской двери, заглянула в кабину сквозь запотевшее стекло, увидела, что внутри никого нет, и поспешила к задней двери, но потом решила, что грузовой отсек будет не лучшим выбором, – водитель оставил одну из дверей открытой, вероятно не закончив разгрузку. Тогда она обогнула машину, села на пассажирское сиденье, закрыла дверь и забила как могла в нишу для ног, стараясь, чтобы голова не была видна снаружи.

Дождь стучал в лобовое стекло, боковые окна частично запотели. Свет в кабине не горел, на щитке не светилась ни одна лампочка. Надо полагать, ее не увидят, пока она будет

сидеть здесь, внизу, – если только преследователь не заглянет внутрь машины. Но по всей видимости, тот решит, что она пробралась в одну из дверей, выходящих в переулок, и, скорее всего, оказалась в ресторане.

Она старалась дышать как можно ровнее, и тут снаружи донеслись звуки. Трудно было понять, что там происходит, – мешал стук дождя. Потом отчетливо затрещал чей-то голос в рации, но слов разобрать не удалось.

Человек с рацией стоял близко, очень близко. Вероятно, рядом с пикапом. Его голос звучал низко и приглушенно, но вполне различимо:

– В полуквартале к востоку от твоей позиции. За какой-то забегаловкой. Ресторан «Доннатина».

Раздался ответный треск, и опять Джейн ничего не разобрала.

– Хорошо, – сказал человек. – Вы двое – на передней линии. Общитесь забегаловку, включая туалеты, и приведите ее ко мне.

Голос стал тише: человек отошел от машины к заднему входу в «Доннатину».

Джейн хотела вытащить пистолет, но она полулежала, скорчившись, в нише для ног: спина вклинилась между сиденьем и пассажирской дверью, лицо было обращено к рулевому колесу. И если бы пришлось стрелять, выстрел вряд ли попал бы в цель.

И потом, они не дали бы ей выстрелить первой. Кем бы

они ни были, людьми, хоть как-то связанными с властью, или откровенными бандитами, в любом случае ее захотели бы допросить.

«Они».

Пока что Джейн не знала, кто такие «они», но рано или поздно должна была узнать. Она обещала это Нику, и хотя к тому времени он уже несколько недель лежал в могиле, Джейн твердо собиралась сдержать свое слово – будто поклялась живому человеку, – считая его таким же священным, как супружескую верность.

Через несколько минут водитель распахнул грузовую дверь, которую не захлопнул, когда забирал первую часть груза. Дверь между кабиной и грузовым отсеком была открыта. Джейн услышала, как человек с рацией спрашивает у водителя, уже не приглушенным голосом:

– Не видел женщину, брюнетку, рост пять и шесть, хорошенькую, совсем мокрую, как я?

– Где?

– Здесь, в переулке. Может, она в ресторан зашла?

– Когда?

– После того, как ты приехал.

– Я с доставкой приехал.

– Значит, не видел.

– В такую поганую погоду я хожу в капюшоне, опустив голову.

В разговор вступил еще один мужчина:

– Это хитрая сучка, Фрэнк. Она где-нибудь в другом месте.

– Я эту свинью убить готов, – сказал Фрэнк.

– Эй, на линии! Кто этот клеенчатый банан?

Водитель в желтом плаще сказал:

– Я вожу сюда товар вот уже пять лет и никогда не видел «хорошеньких».

Фрэнк ответил новоприбывшему:

– Парень из пекарни. У него ничего нет.

– У меня работа, да еще под этим поганым дождем. А вы, ребята, из полиции или откуда-нибудь еще?

– Лучше тебе не знать, – сказал Фрэнк.

– Да уж, – согласился водитель и начал выгружать новую партию товара в водонепроницаемой упаковке. Джейн подождала, прислушиваясь и опасаясь, что в окне появится лицо, плохо видимое сквозь запотевшее стекло, с угрожающим взглядом, как то лицо из сна.

Ливень молотил по машине. Молнии и гром прекратились. Дождь в Калифорнии редко сопровождается длительными пиротехническими эффектами.

Водитель вскоре вернулся. Джейн услышала, как он затаскивает внутрь тележку и захлопывает заднюю дверцу, не ведя никаких разговоров. Она выбралась из ниши, изворачиваясь, как угорь, и хотела выйти из машины, но в этот момент услышала тонкий голос на фоне помех – кто-то говорил по рации. Громкость звука увеличили из-за плохого приема.

Левая дверь открылась, водитель сел за руль и тут же вздрогнул, увидев Джейн.

– Пожалуйста, не делайте ничего, – прошептала она.

20

Водитель был примерно одних с ней лет. Широкое приятное лицо, усеянное веснушками, с рыжими бровями, заставляло предполагать, что под ярко-желтым капюшоном скрываются рыжие волосы. Захлопнув дверь, он завел двигатель, включил дворники, отъехал от ресторана и еще до конца квартала сказал:

– Все, они остались позади. Можете теперь сесть нормально.

– Лучше я пока побуду здесь. А потом вы выпустите меня. Например, когда остановитесь в следующий раз.

– Это я могу.

– Спасибо.

Он притормозил в конце квартала.

– Но если вам нужно в какое-то место, я могу подвезти.

Машина стала поворачивать на ту улицу, где стоял ее «форд». Смерив его взглядом, Джейн спросила:

– Как вас зовут?

– Хотите верьте, хотите нет – Итан Хант.

– Почему я не должна вам верить?

– Ну потому, что Итан Хант – это типа Том Круз в серии

«Миссия невыполнима».

– А-а. Над вами, наверное, подшучивают?

– Только не те, кто понимает толк в доставке выпечки. Я обезвреживаю портативные ядерные бомбы и спасаю мир примерно раз в месяц.

– Раз в месяц?

– Ну хорошо, раз в шесть недель.

Ей понравилась улыбка этого человека: ни издевки, ни магии величия, которыми в последнее время были отмечены многие улыбки.

– Мне нужно добраться до моей машины. – Она объяснила, где стоит «форд». – Но если увидите кого-нибудь из этих молодчиков, проезжайте мимо.

После этого она вылезла из ниши для ног и села на пассажирское сиденье.

Дождь заливал улицы и ливневки. В свете окруженных ореолами фар встречных машин он превращался в снежную крупу и, казалось, покрывал асфальт льдом.

– Наверное, лучше не спрашивать, как вас зовут, – сказал Итан Хант.

– Так будет безопаснее для вас.

– Вы не верите в зонтики?

– Вид утонувшей крысы мне идет.

– Если бы какая-нибудь утонувшая крыса выглядела наполовину так хорошо, как вы, я бы на ней женился.

– Думаю, я должна поблагодарить вас.

– Я еду в объезд. Надо убедиться, что вы в безопасности.

– Я так и поняла.

– А кроме того, мне хочется, чтобы это продолжилось еще немного.

– Давно не обезвреживали бомб, да?

– Да, кажется, целая вечность прошла. Там были плохие ребята. У ресторана.

– Я знаю.

– Вы уверены, что справитесь с ними одна?

– Хотите предложить помощь?

– Ну уж нет. Они раздавят меня, как муху. Просто спрашиваю.

– Выкручусь как-нибудь.

– Если бы я думал иначе, то сильно переживал бы. – Он остановился рядом с «фордом». – Молодчиков не видать.

– Вы хороший парень, Итан Хант. Спасибо.

– Наверное, у меня мало шансов на то, что вы согласитесь встретиться со мной.

– Поверьте, Итан, это была бы встреча в аду.

Она вышла наружу, под дождь, и, закрывая дверь, услышала:

– По крайней мере, было бы не скучно.

убийств и, возможно, сам стоял за этим, без сомнения, тесно сотрудничали с еще неизвестными ей государственными структурами. Джейн могла только предположить, что они имеют влияние и на власти штата, включая калифорнийскую дорожную полицию.

Выезжая из города, она избегала автострад: патрули дорожной полиции встречались там чаще, чем в других местах. На узких участках дороги можно было легко тормозить машины или замедлять их ход – для внимательного досмотра. Дроны передали изображение Джейн, и те, от кого она сумела уйти, видели, что ее длинные светлые волосы стали каштановыми и короткими. Преследователи теперь знают о ее новом облике.

До этого она хотела направиться на север, оказаться в нескольких милях от Ла-Хольи, встретиться с одним человеком и задать ему вопрос, от ответа на который зависело ее будущее. Вместо этого она проехала по залитым дождем улицам к побережью, обогнула Ла-Холью и возле заповедника Торри-Пайнз свернула на местную автомагистраль С12. Эта прибрежная дорога обслуживала несколько живописных городов на берегу – от Дель-Мара и Солано-Бич до Оушенсайда.

На Торри-Пайнз-Стейт-Бич Джейн заехала на парковку, пустую из-за непогоды, вытащила небольшой набор инструментов из-под пассажирского сиденья, достала отвертку и вышла под дождь. Шелестели высокие сосны. Капли дождя

танцевали на асфальте, шипя, словно тысяча сердитых змей. Мокрые пальцы скользили по рукоятке отвертки, но все же ей удалось снять оба номерных знака. Насколько она могла судить, никто ее не видел.

Если в том месте, где она оставляла машину вчера, перед походом в библиотеку, были камеры – а в городах они теперь были почти повсюду, – агенты вскоре начнут просмотр записей с временными метками на всех улицах, примыкающих к парку, где ее чуть не схватили. Даже притом что видимость во время дождя ухудшилась, вполне можно найти записи, на которых Джейн выходит из машины и садится в нее. Надо исходить из того, что эти люди знают о черном «форде-эскейп» с канадскими номерами. В Калифорнии автомобиль без номеров редко вызывает интерес полиции, потому что дилеры не выдают временных номеров на новые машины. Уж лучше ехать вообще без опознавательных знаков, чем с такими, которые через час-другой будут в горячем списке каждого полицейского.

Джейн сунула номера под водительское сиденье, села за руль и завела двигатель. Она снова промокла, поэтому установила температуру на два-три градуса выше, чем было до того, и увеличила обороты вентилятора. Когда дворники стряхнули воду с лобового стекла, она увидела совсем рядом с собой Тихий океан, исхлестанный штормом и подернутый дымкой; он надвигался на берег, напоминая не море воды, а громадную тучу серого дыма от пожаров, вызванных ядер-

Джейн заправила в Кардифф-бай-зе-Си, после чего съехала с прибрежного шоссе на федеральную автомагистраль номер 5. До границ Сан-Диего было больше двадцати миль, а суперавтострада позволяла развить более высокую скорость, так что стоило рискнуть. Она выехала из штормовой области севернее Оушенсайда, где прибрежная долина – плоская, поросшая кустарником – казалась зловещей в резко-прозрачном свете конца зимы. В дороге у нее было время подумать, и она решила, что первой ее ошибкой стал ответ на вопрос Гвин Лэмберт: «Куда вы поедете отсюда?» Она сказала, что должна встретиться кое с кем близ Сан-Диего.

Связь, существовавшая между нею и Гвин, располагала к доверию. Жены морпехов. Вдовы морпехов. Три нити, связывавшие их: служба, долг и скорбь. Ей понравилась эта женщина. Не было оснований подозревать, что на Гвин оказывалось какое-либо воздействие и она стояла на краю эмоциональной пропасти.

С кем говорила Гвин по телефону, перед тем как покончить с собой? И зачем? Хотела сообщить, что Джейн направляется в какое-то место рядом с Сан-Диего? Если они, протянувшие везде свои щупальца, не имели агентов, способных засечь Джейн в Алайне, то информация о ее следующем

пункте назначения сужала пространство для поисков.

Выражение «рядом с Сан-Диего» обозначало район площадью примерно сто квадратных миль, почти с полутора-миллионным населением. Может быть, это сужало пространство для поисков, но ничего не говорило о том, где именно ее нужно искать.

За последние несколько недель преследователям нужно было выяснить, что она пользуется библиотечными компьютерами для интернет-поиска. В Большом Сан-Диего имелось множество библиотек, включая те, которые входили в состав колледжей и университетов. Эти люди могли предвидеть, что она заинтересуется конференцией «Что, если» и Институтом Гернсбека, узнав о них от Гвин. Но чтобы найти ее, требовалось вести наблюдение за этими сайтами и иметь возможность идентифицировать в реальном времени все запросы из библиотек района Сан-Диего, а также обладать ресурсами, позволяющими мгновенно отслеживать источник запроса и определять уникальный номер компьютера.

Если преследователи окружали ее в то время, когда она заканчивала поиски в библиотеке и давала сорок долларов бездомному ветерану, то второй ее ошибкой стали прогулка по близлежащему парку и звонок Сидни Руту в Чикаго. Если они знали обо всех двадцати двух лицах, предоставивших ей информацию, то могли предполагать, что она снова выйдет на связь с кем-то из них. Мониторить в реальном времени телефонные разговоры стольких людей, при наличии

множества операторов, было чрезвычайно трудно, и Джейн сомневалась, что современные технологии вообще позволяли делать это.

Но даже если допустить все это, получается, что они должны были также отследить ее звонок с анонимного телефона, разобраться в микроволновом лабиринте миллионов звонков, совершаемых в данный момент, а потом каким-то образом передать сигнал на навигаторы, чтобы обнаружить Джейн в парке.

И все это – за считанные минуты.

Имея несколько часов в запасе после звонка Гвин, они должны были разместить группы агентов в стратегических точках по всему городу, чтобы в случае обнаружения Джейн хотя бы одна команда могла добраться до нее за несколько минут.

Может быть, им повезло. Но так или иначе Джейн вдруг поняла: организация, которая ее преследует, выглядит всемогущей, имеет больше власти и возможностей, чем любая силовая структура, и действует эффективнее любого известного ей правительственного ведомства, вездесущая, всеведущая.

Даже если они засекали ее автомобиль, она все же собиралась пользоваться им какое-то время. Джейн не располагала деньгами в неограниченном количестве, а «форд» был уже второй ее машиной после начала этой одиссеи.

В Сан-Хуан-Капистрано она съехала с федеральной авто-

страды номер 5 на местную дорогу номер 74. Машина поднималась по неровным склонам, поросшим колючим кустарником, проезжая сквозь Кливлендский национальный заповедник, и Джейн мрачнела быстрее, чем гас медленно уходящий день. Эта пограничная с пустыней область была еще довольно зеленой – весной и летом она становилась совсем другой. Туристы и любители природы ценили этот пейзаж, некоторые считали его красивым. Ей же он казался неприглядным, даже унылым, словно за окнами «форда» простиралась раненая планета, пытающаяся выжить под умирающим солнцем.

Спустившись вниз, Джейн проехала мимо озера Эльсинор. Здешний сельский мирок казался отрезанным от цивилизации. Сочные луга и кустарники. Ухоженные дорожки перед частными домами, выстроенными подальше от главной дороги. Рожицы тополей и хвойных деревьев, разбросанные по местности, свидетельствовали о наличии водоносного горизонта, иначе здесь росли бы одни колючки.

Отдаленность от цивилизации была иллюзией – попасть в улей Южной Калифорнии, западнее этих мест, не представляло труда, и даже здесь, в менее многолюдных внутренних областях, «маленькие» городки вроде Перриса и Хеммета имели население в семьдесят или восемьдесят тысяч.

Джейн съехала на подъездную дорогу, обсаженную дубами, повернула направо и остановилась у деревянных ворот, выкрашенных белой краской и скрепленных проволо-

кой. Опустив стекло, она протянула руку к домофону. Называть свое имя не требовалось. У Джейн был личный пятизначный код, который она набрала на щитке, – и ворота открылись.

За ними располагалось самое важное для нее место в мире.

23

Дом, отделанный белым сайдингом, мог бы показаться скромным, если бы не окружавшая его глубокая веранда. Дьюк и Куини, лежавшие на крыльце среди плетеных стульев, вскочили, как только «форд» доехал до конца длинной подъездной дороги. Две немецкие овчарки – превосходные экземпляры с мощной грудью, широкими ребрами и прямой спиной – были любимцами всей семьи и вдобавок сторожевыми собаками, получившими хорошую подготовку.

Джейн остановилась за яблочно-зеленым пикапом, «фордом» 1948 года выпуска. Гэвин дорожил этой машиной и сам ее оттюнинговал – укоротил передок, понизил высоту, поставил грязезащитные щитки от «Ла саль» 1937 года и сильно видоизмененную переднюю часть «Ла саль» с решеткой радиатора из нержавеющей стали. Автомобиль превратился в стрит-род, единственный в своем роде.

Собаки узнали Джейн – она опустила стекло, чтобы звери уловили ее запах до того, как она выйдет из машины.

Спустившись по ступенькам крыльца, они бросились к ней, от радости молотя хвостами по земле. Будь она чужим человеком, собаки встретили бы ее по-другому – выдерживая расстояние, настороженно, с угрозой.

Опустившись на одно колено, Джейн приласкала каждую собаку. Псы щедро облизывали ей руки в дружеском приветствии – кое у кого оно могло бы вызвать отвращение, но Джейн принимала его с удовольствием. Животные охраняли ее сокровище, и было спокойнее спать, зная, что они здесь.

Джейн очень любила собак и восхищалась тем, как выдрессировал их Гэвин, но она приехала сюда не для свидания с ними. Минуту спустя она выпрямилась и направилась в дом. Овчарки, резвясь, бежали по обе стороны от нее.

На веранду вышла Джессика – пластичной, пружинистой походкой человека на двух протезах, которые начинались от колен, заканчивались ластообразной ступней и позволяли ей выигрывать соревнования по бегу на десять километров. Черные как смоль волосы. Цвет кожи индейцев-чероки. Одаренная красотой, произошедшей от какой-то глубинной комбинации генов, она всегда поражала окружающих своей внешностью.

Джессика потеряла ноги девятью годами ранее, в Афганистане, когда ей было двадцать три. Она не участвовала в боевых действиях, но придорожные фугасы не делают различий между вооруженными солдатами и тыловыми служащими. В этой забытой богом стране она потеряла ноги, но нашла

Гэвина – солдата, который понюхал пороха, однако остался невредимым. Они были женаты уже восемь лет.

Джейн взбежала по ступенькам, прежде чем Джесс успела прыгнуть вниз. Обе женщины крепко обнялись, пока собаки суетились возле них, ударяли хвостами по плетеным стульям, повизгивали, радуясь неожиданному воссоединению.

– Ты почему не звонила? – спросила Джесс.

– Расскажу потом.

У Джейн было три анонимных телефона, все активированные. Эти трубки она купила в разных магазинах, в трех городах, расположенных далеко друг от друга. Пока что она не пользовалась ни одним из телефонов, и преследователи никак не могли засечь их. Но события в Сан-Диего так напугали ее, что она не хотела рисковать и не стала звонить в это особое место, райский уголок в мире, который превращался в опасные, непредсказуемые джунгли.

– Хорошо выглядишь, – сказала Джесс.

– Врешь и не краснеешь, подружка.

– Он все время о тебе говорит.

– А я все время о нем думаю.

– Господи, как хорошо, что ты приехала.

В дверях появился мальчик. Его голубые глаза возбужденно горели, но он был застенчив и поэтому стоял в тени, не обращая внимания на собак, с которыми в другой раз непременно затеял бы какую-нибудь игру. За последние два месяца Джейн видела его всего однажды. Тогда – как, кажется, и

теперь – он боялся открыть рот, боялся спугнуть ее, боялся, что она исчезнет, как исчезала в его снах.

В свои пять лет Трэвис был как две капли воды похож на отца. Взъерошенные волосы Ника. Точеный нос Ника, сильный подбородок. Яркое обаяние и ум, которые – по крайней мере, на взгляд матери – светились в его глазах, поразительным образом напоминая о Нике.

– Это и правда ты, – прошептал он.

Джейн опустила на колени не только для того, чтобы заглянуть ему в глаза, но и потому, что ее ноги вдруг ослабели и подкосились. Трэвис бросился в ее объятия, и Джейн обхватила его, словно кто-то в любой момент мог попытаться отобрать у нее сына. Она тискала его, целовала его лицо. Запах волос пьянил, как и нежная молодая кожа.

Начав доискиваться до истины, она и представить себе не могла, что ей будут противостоять такие сильные и безжалостные люди: в первую очередь они пригрозили убить ее ребенка – возможно, ей уже не придется завести другого, – ее мальчика, живое свидетельство необыкновенной любви, которую Джейн познала с его удивительным отцом.

Не было другого места, где она могла бы спрятать Трэвиса, сохраняя в такой же мере надежду и душевное спокойствие. Два месяца назад Гэвин и Джессика были для него чужими, а теперь стали его семьей.

Страстно желая оправдать Ника, доказать, что он не совершал самоубийства в том смысле, в каком это слово пони-

мал весь мир, она, сама того не ведая, вступила на тропу, с которой невозможно было свернуть. Те, кого она хотела вывести на чистую воду, не позволили бы ей отойти в сторону и жить, пусть даже в глубоком унижении от своей неудачи. Эти люди принесли в мир что-то новое и страшное; Джейн не понимала, зачем это делать, но свои планы они намеревались осуществить любой ценой. Произошло уже несколько убийств, и еще два – матери и сына – стали бы для них всего лишь мелким неудобством. Джейн знала мало, хотя и этого было уже слишком много, а подозревала намного больше, и поэтому не могла рисковать – обращаться к кому-нибудь за помощью, пока не откроет всю правду.

Мальчик крепко держал ее.

– Я тебя люблю, ма.

– Я тебя тоже люблю, – сказала она. – Очень люблю. Убаюкай меня, малыш.

Часть вторая

Кроличья нора

1

В золотом свете позднего вечера, под небом, в котором были разбросаны белые облачка с позолоченными кромками, Трэвис повел мать посмотреть лошадей. Конюшня стояла в глубокой тени каменных дубов, которые круглый год роняли свои маленькие овальные листья.

Прилегающий участок несколько раз в неделю очищали граблями. Зубья оставляли на мягкой земле параллельные завитки, напоминавшие рисунки древних шаманов, которые запечатлевали в камне таинственные повороты судьбы, бесконечные циклы непознаваемой, несмотря на очевидность ее строения, Вселенной.

Белла и Сэмпсон, кобыла и жеребец, стояли бок о бок перед двумя пустыми стойлами. У одного из них дверь была пониже – для пони, который пока еще не видел своего нового дома. Лошади вывернули шеи, желая увидеть приближающихся посетителей, и приветственно заржали.

Трэвис нес бумажный стаканчик с яблоком, разрезанным на четыре части – по два кусочка для каждой лошади. Жи-

вотные взяли мягкими губами угощение из маленьких пальцев.

– Гэвин пока не нашел подходящего пони.

Месяцем ранее Джейн одобрила желание сына научиться верховой езде, а Гэвин предложил начать с маленького скакуна.

– Ездить на Сэмпсоне я пока не могу, но наверняка смог бы на Белле, если бы вы мне позволили. Она такая добрая.

– И еще она раз в пятнадцать больше тебя. И потом, Сэмпсон, может быть, будет ревновать, если на нее сядет кто-нибудь, кроме Джесс. Он считает себя единственным парнем Беллы.

– Разве лошади ревнуют?

– Еще как. Вот Дьюк и Куини, например, ревнуют, если ты гладишь одного дольше, чем другого. Лошади и собаки давно живут с людьми, и у них появились те же привычки, что и у нас.

Белла так низко опустила голову, наклонив ее над створкой двери, что Трэвис смог дотянуться до нее и потрепать по щеке – это очень нравилось лошади.

– Но я бы точно мог поездить на Белле, если бы Сэмпсон не возражал.

– Может быть, ковбой. Но чтобы стать настоящим кавалеристом, нужно терпение, нужно учиться всему шаг за шагом.

– Кавалеристом... Вот было бы классно.

– Твой папа вырос на ранчо, в семнадцать лет уже несколь-

ко раз участвовал в родео. Это у тебя в крови. Как и здравый смысл. Поэтому будь хорошим мальчиком и прислушивайся к здравому смыслу.

– Хорошо, я буду.

– Я знаю, что будешь.

Он провел рукой по мускулистой шее Сэмпсона, вдоль выемки, которая называется яремным желобом, и почувствовал его мощный пульс.

– Ты все еще ищешь... убийцу? – спросил мальчик.

– Да. Каждый день.

Она не сказала ему, что его отец совершил самоубийство, и не собиралась говорить. Любой, кто сообщит эту ложь Трэвису, навсегда станет ее врагом.

– Это страшно? – спросил он.

– Вовсе нет, – солгала она. А потом добавила правды: – Иногда бывает слегка опасно, но ты же знаешь, я занималась такими делами много лет и даже пальца не повредила.

Когда Джейн не была в отпуске, она помогала в расследованиях сотрудникам третьего и четвертого отделов поведенческого анализа, особенно когда дело касалось массовых убийц и маньяков.

– Даже пальца?

– Даже пальца.

– Потому что у тебя есть здравый смысл, да?

– Правильно.

Сэмпсон уставился на нее ясными, прозрачными глазами.

Не в первый раз Джейн почувствовала, что лошади, как и собаки, с пятью – или даже шестью – обостренными чувствами понимали людей гораздо лучше, чем другие люди. В темном и неподвижном взгляде жеребца как будто читалось знание о страхе, который сама Джейн отрицала, о боли от потери мужа и необходимости быть вдали от своего ребенка.

2

После обеда, когда уже начало смеркаться, Джейн и Трэвис поиграли со светящейся летающей тарелкой и двумя собаками, а потом она прочитала сыну историю из книги, которую начала ему читать Джессика тремя днями ранее. Наконец он уснул. Джейн постояла над ним, зачарованная его лицом, в котором видела и Ника, и себя, после чего прошла в гостиную, примыкавшую к кухне.

Джесс и Гэвин сидели в креслах, собаки дремали у камина, единственного источника света; в нем потрескивали поленья, ярко вспыхивая, когда огонь начинал пожирать новую жилку смолы. Для Джейн приготовили кресло и бокал каберне на маленьком столике. Она была благодарна и за то и за другое.

Телевизор был выключен. Звучавшая в гостиной музыка несколько удивила Джейн. «Windham Hill», как ей казалось, не должен был особенно трогать ни Гэвина, ни Джесс. В запись входили сольные фортепианные номера Лиз Стори и

Джорджа Уинстона, а также композиции Уилла Аккермана, исполненные на акустической гитаре⁷.

Элегантная простота музыки и, конечно, горящий камин создавали в комнате атмосферу покоя. Джейн поняла, почему горит только камин, почему звучит музыка, когда после нескольких глотков вина произнесла первое, что пришло на ум:

– Что слышно из Филадельфии?

– Триста сорок подтвержденных смертей, – сказал Гэвин.

– И будет еще сотня, если не больше. И потом, столько раненых, обожженных, покалеченных, – добавила Джесс.

Гэвин положил сжатую в кулак руку на подлокотник, а другой рукой сжимал бокал.

– По телевизору говорят только об этом. Если пытаешься смотреть что-нибудь другое, у тебя возникает чувство... будто ты потерял человеческий облик.

– Черт побери, мы не будем это смотреть, – сказала Джесс. – Они делают так, что нет ощущения трагедии или ужаса. И это уж точно не военный репортаж. Это спектакль, и если ты разрешишь себе видеть в этом спектакль, твоя душа начнет превращаться в прах.

⁷ «Windham Hill» – фирма грамзаписи, специализировавшаяся на инструментальной акустической музыке и основанная Уильямом Аккерманом и Энн Робинсон. Лиз Стори (р. 1956) и Джордж Уинстон (р. 1949) – американские пианисты.

Джейн и Ник познакомились с Гэвином и Джессикой Вашингтон четырнадцатью месяцами ранее, в Виргинии, во время недельной кампании по сбору средств в пользу раненых воинов. Джесс участвовала не в соревнованиях для атлетов с ограниченными возможностями, а в общем забеге на пять километров и уступила Джейн лишь одну минуту.

Сразу же выяснилось, что все четверо – родственные души, и для этого не потребовалось долгих разговоров о положении в мире: хватило речевых нюансов, жестов, выражения лица, не сказанных слов, таких же важных, как сказанные. Четыре месяца спустя они снова встретились на подобном мероприятии, встретились так, будто дружили с детства. Им было легко друг с другом, как братьям и сестрам, которые хорошо ладят между собой.

Гэвин зарабатывал на жизнь написанием документальной военной прозы, а в последнее время выпустил еще и серию романов об операциях сил специального назначения. Бестселлера он пока не создал, но нашел издателя, чуткого к веяниям времени, а его репутация как писателя постоянно укреплялась, что удивляло и самого Гэвина, ведь он занялся литературой случайно, не намереваясь делать карьеру в этой области.

Отдавая много сил волонтерской работе по защите интеле-

ресов ветеранов, Джесс показала себя хорошим организатором, убеждая людей жертвовать деньги и время и при этом не слишком досаждая им.

Для Джейн самым привлекательным качеством Гэвина была его преданность Джесс, характеризовавшая его наилучшим образом. Многие не отказались бы предложить Джесс руку и сердце до случившегося с ней несчастья, но потом они исчезли, словно были всего лишь призраками настоящих мужчин. Гэвин не видел ее до того, как появились протезы, но, похоже, считал их таким же мелким затруднением, как очки для чтения.

Джейн, в свое время вскружившая немало голов, часто видела в глазах мужчин неприкрытое желание, которое они не надеялись утолить. Но Гэвин, казалось, смотрел на нее как монах или как брат: в его глазах она не видела никакого огня, никакого иного желания, кроме желания дружить.

Они с Ником собирались в декабре провести трехдневный уик-энд с Вашингтонами в Лас-Вегасе, но Ник не дожид до этого времени.

К середине января Джейн настойчиво утверждала, что смерть ее мужа не была тем, чем казалась на первый взгляд, проявляла большой интерес к другим необычным самоубийствам и начала свое расследование; это привлекло к ней внимание людей, которые смотрели на нее с нескрываемой злобой и презрением. От них, безымянных, безликих, поступили такие убедительные угрозы в адрес Трэвиса, что, даже ес-

ли бы Джейн подчинилась их требованиям и прекратила расследование, оба все равно подвергались бы риску – она это чувствовала.

И, кроме того, она не желала склоняться перед ними – ни тогда, ни потом, ни когда-либо.

Жить с семьей или старыми друзьями для Трэвиса было небезопасно. Если бы те люди захотели его найти, то сделали бы это без труда.

Джесс и Гэвин не жили затворниками, но в то же время не присутствовали в социальных сетях. Как и у Ника с Джейн, у них не было аккаунтов в «Фейсбуке» или «Твиттере»; вероятно, это объяснялось тем, что опытный воин, сидевший в каждом из них, интуитивно чувствовал опасность, исходящую от социальных сетей, где человек сбрасывал камуфляж и оказывался у всех на виду. Поиск в Сети не позволил бы выяснить их имена. Все трое общались лично, с помощью обычных писем, не оставлявших нестираемых следов, и разговоров по телефону. Даже если кто-то отслеживал телефонные звонки, перезванивались они не слишком часто и не давали повода для подозрений в том, что Джесс и Гэвин – близкие друзья Джейн, которым она может доверить сына.

Поняв, что нормальная жизнь закончилась, Джейн приобрела свой первый автомобиль без навигатора, древний «шевроле». Нынешняя машина, угнанная, а затем доработанная в Мексике, с форсировкой мотора, появилась позже. Вместе с Трэвисом Джейн пересекла всю страну от Виргинии до

Калифорнии, пользуясь навыками, полученными в Бюро, – проверяла, не висит ли кто на хвосте, заметала следы, платила наличными и вообще старалась быть невидимой.

Она не предупредила Вашингтонов о приезде – ни с таксофона, ни с анонимного мобильного, решив, что те люди могут потянуть даже за такую тоненькую ниточку. Правда, больше всего она боялась, что Джесс и Гэвин не возьмут к себе Трэвиса. В этом случае она оказывалась на краю пропасти, без вариантов.

Они не отказались – наоборот, согласились без колебаний. Джейн сердцем чувствовала, что с самого первого дня знакомства правильно поняла их, что на них можно положиться в критической ситуации. Но эта готовность помочь тронула ее до слез, хотя после похорон Ника она мысленно поклялась себе не плакать и запретила сомнения и проявления слабости, пока в деле не будет поставлена точка.

Вместе с мальчиком она оставила в Калифорнии часть себя. Когда Трэвиса не было рядом, у нее возникало ощущение, будто она лишилась жизненно важного органа.

Вернувшись в Виргинию, она продала дом, перевела все свои вложения в деньги и спрятала их в месте, к которому имела доступ только она сама. Расследование приостановилось, и ее враги, видимо, решили, что она смирилась с поражением, – а когда поняли, что она снова вышла на след, принялись неустанно разыскивать ее.

4

Они проговорили два часа, попивая вино, под «Windham Hill» и посапывание собак у камина, но к событиям в Филадельфии больше не возвращались. На ночь Джейн ушла в комнату Трэвиса. Джессика хотела постелить ей в свободной комнате, но было невыносимо думать, что рядом не будет ее мальчика, – ведь скоро она вновь пустится в путь, совсем одна.

Ей не хотелось ложиться рядом с сыном и будить его. Она села в кресло, положила вытянутые ноги на скамеечку, завернулась в одеяло и стала смотреть на Трэвиса в свете ночника.

Теперь она жила только ради мести и этого драгоценного ребенка. Да, она получит наслаждение от мести, но если придется умереть, то единственной правильной смертью станет смерть за него.

Некоторое время она не могла уснуть из-за наплыва воспоминаний...

5

Январский день. Она сидит за компьютером и собирает истории о невероятных самоубийствах, просматривая сай-

ты местных газет – от побережья до побережья, – потому что многие странные случаи не нашли освещения в общенациональных средствах массовой информации.

Трэвис сидит в своей комнате и строит что-то из деталей лего. Он потерял интерес к играм после смерти Ника, и его нынешняя упорная привязанность к лего – это либо первый шаг назад, к нормальному детству, либо попытка выразить без слов свой страх и свое ощущение незащитности в мире, который забрал у него отца.

Трэвис появляется в дверях ее кабинета, с горящими глазами, серьезным видом, и спрашивает:

– Мама, что это значит?

Она отрывается от компьютера:

– Ты о чем?

– «Над сад». Что это значит?

– Может, какой-то сад?

Он хихикает и несетя к себе, топая по коридору.

Джейн недоумевает, но при этом очарована и полна надежды, потому что вот уже несколько недель не слышала его смеха.

Минуту спустя он возвращается:

– Нет, неверно. Надсат – это одно слово. Можно мне молока-плюс?

– Молока плюс что, малыши?

– Не знаю. Подожди. Выясню.

Хихикая, как и прежде, он снова бежит в свою комнату.

Надсат, молоко-плюс... Голова Джейн занята подробно-стями невероятных самоубийств, она озадачена тревож-ными и загадочными записками, оставленными кое-кем из покончивших с собой, но понемногу в памяти всплывают воспоминания о временах, которые теперь кажутся древни-ми, как эпоха Цезаря, – о годах учебы в колледже.

Она встает с офисного кресла, и тут мальчик прибегает снова, воодушевленный до предела.

– Мистер Друг говорит, ты знаешь, что такое моло-ко-плюс.

Да, теперь она вспомнила. Ей девятнадцать, в этом году она заканчивает колледж по ускоренной программе и нахо-дится под впечатлением от романа Энтони Бёрджесса «За-водной апельсин». Роман, рассказывающий о будущем обще-стве, которое быстро скатывается к хаосу и жестокости, повлиял на выбор профессии – она пошла в правоохрани-тельные структуры.

В этой книге надсат – диалект, на котором говорят мо-лодые английские головорезы, созданный из румынских, рус-ских и детских словечек, произносимых с цыганскими инто-нациями. В молочных барах подают молоко с разнообраз-ными наркотиками. Опоенные наркотиками сверхжестокие головорезы называют себя друзьями.

Вставая на ноги в своем кабинете, Джейн чувствует тревогу.

В дверях стоит Трэвис, пребывающий в состоянии невин-

ного удовлетворения; он не понимает, что следующие его слова сеют в ней хватающий за сердце трепетный страх.

– Мистер Друг говорит, что мы с ним выпьем немного молока-плюс, а потом поиграем в очень веселую игру – похищение.

– Мальши, когда ты говорил с этим мистером Другом?

– Он в моей комнате, он такой забавный.

Не закончив говорить, мальчик отворачивается от нее.

– Трэвис, нет! Иди ко мне!

Он не слушает, бежит в коридор и исчезает. Топот его ног стихает вдали.

Среднее время выезда полицейских на вызов по телефону 911 в ее районе составляет три минуты. В данном случае разницы между тремя минутами и вечностью нет.

Она открывает ящик стола и достает пистолет, который положила туда, садясь за работу.

Надсат, молоко-плюс, друг...

Это не обычное вторжение в дом. Кто-то интересовался ее биографией. Пристально. Вплоть до колледжа.

В этот момент она понимает, что ожидала ответной реакции, проявляя настойчивый интерес к эпидемии самоубийств в масштабе всей страны. Да, реакции, но не такой откровенной и злобной.

Забыв про все правила поведения в таких случаях, впав в панику, как обычный человек, не заканчивавший Академию ФБР, она впоследствии не могла вспомнить, как оказалась в

спальне сына. Ясно только, что она оказалась там и увидела Трэвиса. Тот стоял в недоумении и повторял: «Куда же он делся?»

Дверь в стенной шкафу закрыта. Она отходит в сторону и распахивает ее левой рукой, в правой руке – пистолет, чтобы выстрелить и убить его, если он нападет. Но в шкафу его нет.

– Встань у меня за спиной, рядом со мной, тихо, рядом со мной, – шепчет она.

– Ты его не убьешь, нет?

– Тихо, рядом со мной! – повторяет она, и в ее голосе звучат стальные нотки, которых Трэвис никогда не слышал, разговаривая с матерью.

Меньше всего она хочет бежать из дома с ребенком на руках. Это грозит тысячей неожиданных опасностей. Но оставить его здесь она не может, не осмелится – вдруг его не будет здесь, когда она вернется, не будет нигде, и она никогда его не найдет.

Он держится рядом, молчит, ведет себя как хороший мальчик, впрочем он и есть хороший мальчик. Он испуган, она испугала его, но так и надо, значит он, по крайней мере, теперь понимает, что все это серьезно.

Ее собственный страх так велик, что влечет за собой тошноту, но она подавляет приступ, справляется с ним.

В кухне, на столе, лежит экземпляр «Заводного апельсина». Подарок и предупреждение. Задняя дверь открыта.

А ведь она была заперта. Для многих замки – настоящий пунктик. Она знает им цену, замки на окнах и наружных дверях заперты круглые сутки.

– Ты его впустил? – шепотом спрашивает она.

– Нет, никогда, нет, – заверяет мальчик, и она верит ему.

Звонит телефон. Он висит на стене рядом с раковиной. Она смотрит на аппарат, не желая отвлекаться. Она отвечала на звонки, и ее голосовая почта не включена. Телефон звонит, звонит, звонит. Ни один человек не стал бы звонить так долго, если бы не был уверен, что она дома.

Наконец она снимает трубку, но молчит.

– Замечательно доверчивый ребенок, – раздается чей-то голос, – и такой нежный.

Не важно, что она ответит. Но этот человек может послужить наводкой.

– Мы могли бы забавы ради засунуть этого шельмеца в какую-нибудь змеиную нору в недоразвитой стране, сдать его группировке вроде ИГИЛ или Боко Харам – у них нет никаких предубеждений против сексуальных рабов.

Его голос прекрасно запоминается по двум причинам. Во-первых, этот человек имитирует британское произношение, и делает это столько лет, что теперь получается вполне естественно. Она слышала других людей, делавших то же самое, – иногда это были выпускники университетов Лиги плюща⁸, которые, не заботясь о том, интересно

⁸ Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, рас-

вам или нет, сообщают о своей альма-матер, о нескольких поколениях своих предков, учившихся там, и хотят поставить вас в известность о том, что они очень ученые и принадлежат к интеллектуальной элите. Во-вторых, это тенор среднего регистра, а люди с таким голосом, если они акцентируют то или иное слово, иногда срываются на альт – например, как сейчас со словами «доверчивый» и «забава».

Она молчит, а звонящий допытывается:

– Ты меня слышишь? Я хочу знать, что ты меня слышишь, Джейн.

– Да. Слышу.

– Некоторые тамошние головорезы ужасно любят маленьких мальчиков, не меньше, чем маленьких девочек. Может, ему даже дадут подрасти лет до десяти-одиннадцати, а когда он надоест местному варвару, его хорошенькую головку отрежут.

Произнося слова «ужасно» и «варвар», он переходит на альт.

Она с такой силой сжимает трубку, что пальцам становится больно, а пластмасса делается скользкой от пота.

– Ты понимаешь, зачем это было нужно, Джейн?

– Да.

– Хорошо. Мы знали, что ты поймешь. Ты умная девочка.

положенных в семи штатах на северо-востоке США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. В Лигу входят такие престижные университеты, как Гарвардский, Принстонский, Йельский.

На мой вкус, ты лучше своего сына, но я бы, не задумываясь, отправил тебя вместе с ним: пусть ребята из Боко получат двоих по цене одного. Занимайся своими делами и не лезь в наши, тогда все будет хорошо.

Он отключается.

*Она швыряет трубку, и Трэвис, цепляясь за нее, говорит:
– Извини, мамочка, но он был таким хорошим.*

Она опускается на одно колено и прижимает сына к себе, не выпуская пистолета из руки.

– Нет, детка, он не был хорошим.

– Он казался хорошим и был забавным.

– Плохие люди умеют притворяться хорошими, и иногда трудно догадаться, что они притворяются.

Она не отпускает его от себя, когда идет к задней двери, закрывает ее, запирает.

В тот день она покупает древний «шеви».

А вечером вместе с Трэвисом уезжает в Калифорнию, к Гэвину и Джесс.

6

Трэвис захныкал. Джейн встала с кресла и подошла к нему. Глаза его быстро двигались под закрытыми веками, он морщился в глубоком сне, видел что-то.

Она приложила ладонь к его лбу, проверяя, нет ли температуры, убрала волосы с лица и этим, казалось, прогнала

дурной сон. Трэвис не проснулся, но лицо его стало спокойным, а хныканье прекратилось.

В день, когда к ним приходил мистер Друг, Джейн поняла: тот, кто хочет, чтобы она забыла об эпидемии самоубийств, вероятно, так или иначе связан с правительством. Может, это не федеральная операция, но без правительства тут не обошлось.

На задней двери ее дома стояли два замка «Шлейг»⁹, лучшие из тех, что имелись в продаже. Ни один специалист не мог открыть их с помощью стандартного набора отмычек. Чтобы быстро и бесшумно разблокировать оба замка, мистер Друг должен был воспользоваться «Локейдом» – автоматической отмычкой, которая есть только у сотрудников правоохранительных органов. По понятным причинам «Локейды» хранились в надежных местах, и любой агент, имеющий право на пользование ими, должен был выписать устройство из хранилища, предъявив разрешение суда на применение отмычки по конкретному адресу.

Может быть, «они» не были ни правоохранителями, ни сотрудниками какого-либо государственного ведомства (скорее всего, именно так и обстояло дело), но все же располагали хорошими источниками в этих структурах.

Для такого предположения имелись еще два основания.

Они могли инсценировать угон автомобиля или кражу и убить ее выстрелом в голову. Могли устроить несчастный

⁹ «Шлейг» – американская компания, известная своими надежными замками.

случай, пожар в доме или взрыв газа, и похитить обоих – ее и Трэвиса. Такие люди убивали не моргнув глазом. И уж конечно, без малейшего сожаления. Но они не стали ее убивать, а просто предупредили, и такое проявление жалости со стороны безжалостных людей, как она считала, могло объясняться только одним – признанием ее статуса агента ФБР. Они распространяли на нее профессиональную этику – либо согласно своим понятиям, либо по подсказке кого-то из Бюро или из правительства.

Кроме того, они вынесли предупреждение крайне злонамеренным образом, проявив пугающую уверенность в том, что могут выполнить угрозу и передать мальчика в руки убийц и растлителей детей, хуже которых нет никого во всем мире. Такие вещи часто проделывают персонажи современных романов, но обычный зловредный банкир или малопривлекательный бизнесмен вряд ли в состоянии совершить это. Мистер Друг дал понять, что у него есть знакомые – возможно, коррупционеры в секретных службах Государственного департамента, – которые могли увезти Трэвиса, чтобы у того началась новая жизнь вдали от дома, и без колебаний сделали бы это. Жизнь, полная грубого насилия и бесконечного унижения. И все это лишь для того, чтобы заставить Джейн замолчать или погубить ее, если она не пожелает молчать.

Но после этой гнусной угрозы Джейн была убеждена, что они представляют собой абсолютное зло. Нельзя заключить сделку с дьяволом, потому что у дьявола нет чести и он ни-

когда не станет выполнять условия договора. Если бы предупреждение сработало и она перестала доискиваться до правды, поджав хвост от страха, ее все равно убили бы вместе с Трэвисом, когда она решила бы, что находится в безопасности и может расслабиться.

Ей оставалась всего одна роль: Давид против Голиафа. У нее не было иллюзий: одним камнем и пращей их не победить. Насколько она знала, ей противостоял не один гигант, а целая армия голиафов, так что шанс одержать победу и остаться в живых составлял десятые доли процента.

Как бы то ни было, приходилось играть картами, которые оказались на руках, и если все джокеры не собрались в чьем-нибудь рукаве, оставалась надежда, что до конца игры ей достанется хоть один.

Она вернулась в кресло, положила ноги на скамеечку и закуталась в одеяло.

Прикроватные часы показывали 11:36.

Веки ее наконец отяжелели, перед глазами появились едва видимые созвездия, которые вращались, вызывая приятное головокружение, навевая сон.

7

Посреди ночи она почти проснулась, услышав, что одна из собак принюхивается у порога полузакрытой двери спальни. Гэвин говорил, что, когда они с Джесс отправляются в по-

стель, собаки редко спят одновременно: они сменяют друг друга и по очереди патрулируют дом. Никто не учил их этому, но инстинкт несения сторожевой службы был у немецких овчарок в крови.

Собака – то ли Дьюк, то ли Куини – удовлетворилась тем, что Трэвис спит в своей кровати и все хорошо. Ее когти тихонько застучали по полу красного дерева – обход продолжился.

Джейн снова провалилась в сон и одновременно в прошлое: она уютно лежит под одеялом, за окном падает снег, собаки следят, чтобы никто не тронул ее. Не детские воспоминания, а лишь фантазии, потому что ни собак, ни чувства безопасности она не знала.

8

Джейн поставила кофе, поджарила хлеб и намазала его маслом. Гэвин разбил и перемешал яйца, затем вылил их на сковородку с жареной картошкой. Джесс зажарила тонко нарезанную ветчину с кусочками желтого перца и луком и уложила все это на блюдо с электроподогревом. Собак покормили в первую очередь, но они надеялись получить что-нибудь еще и сидели, наострив уши, хотя и не мешались под ногами.

Все трое занимались готовкой, притворяясь, что это очень серьезное занятие: надо было как-то отвлечься от мысли о

скором отъезде Джейн. Точно так же они преувеличивали значение приема пищи, делая вид, будто проголодались. Разговор был слишком громким, слишком быстрым, а смех казался искусственным.

Трэвис говорил о том, чем можно заняться днем, так, словно его мать тоже собиралась в этом участвовать, включая обед и игры со светящейся тарелкой. Он предлагал имена для пони, говорил о том, как наконец оседлает ее, словно Джейн могла увидеть его первый выезд через несколько дней. Та не прерывала сына, называла свои клички – ведь он знал, что, невзирая на все их разговоры, мать уедет. Это были лишь приятные мечты – оба пока еще могли не думать о неизбежном, надеясь увидеть что-то совсем другое.

И вот она уже прощалась с Джесс и Гэвином; после этого Трэвис один проводил ее до «форда». Машина ему понравилась, он посидел в салоне вместе матерью. Оба вспоминали январскую поездку через всю страну в машине, которая была далеко не такой надежной.

Поняв, что время настало, он отвернулся к боковому окну и потер глаза кулачками, потом сунул соленую костяшку в рот и прикусил ее. Джейн видела, как крепко он сжимает зубы, чтобы остановить слезы, но не стала говорить «перестань плакать». Он скорее научится самообладанию, если дойдет до всего сам.

И еще Джейн не стала заверять его, что в конце концов все будет хорошо. Она не могла лгать ему. Трэвис сразу рас-

познал бы ложь и испугался бы из-за того, что она считает нужным приукрашивать положение дел.

– Здесь ты в безопасности, – сказала она.

– Я знаю.

– Ты чувствуешь себя здесь в безопасности?

– Да.

– И ты всегда хотел собак.

– Они хорошие.

– Да. Особенные.

– А когда ты сможешь арестовать кого-нибудь?

– Я на пути к этому.

– Ты же ФБР. Ты можешь их арестовать.

– Сначала нужно собрать улики, – объяснила Джейн, думая о том, сумеет ли она когда-нибудь докопаться до сути. – Ты ведь знаешь, что такое улики?

– Доказательство, – ответил он.

– Правильно. Ты настоящий фэбээровец, знаешь всякие полицейские штуки.

Трэвис снова посмотрел на нее красными глазами. На ресницах больше не висели капельки слез. Он молодец, ее маленький мужчина.

Из кармана джинсов он достал обломок камеи в медальоне: профиль женщины, вырезанный на мыльном камне и помещенный в серебряный овал. Сбоку торчала половина петельки. Может быть, раньше в медальоне – когда он был целым и висел на серебряной цепочке – хранился локон люби-

мого человека.

– Когда ты в прошлый раз приехала, а потом уехала, я нашел это в ручье. Его выбросило на камни. Она похожа на тебя.

Джейн не увидела никакого сходства, но сказала:

– Да, немного похожа.

– Я сразу понял, что это к удаче.

– Это все равно что найти новенький блестящий десяти-центовик.

– Нет, лучше. Ты ведь вернулась, и вообще... – Трэвис с торжественным лицом протянул ей камею. – Это должно быть у тебя.

Джейн поняла, что не должна нарушать торжественность момента, и взяла амулет.

– Он всегда будет у меня в кармане.

– Тебе надо спать с ним.

– Непременно.

– Каждую ночь.

– Каждую ночь, – согласилась она.

Мысль о последнем поцелуе, последнем прикосновении, казалось, была слишком тяжела для него. Он открыл дверь, выпрыгнул из машины, закрыл дверь и помахал на прощание.

В ответ Джейн подняла большой палец и тронулась с места. Направляясь к автостраде по гравийной дорожке, она все время видела в зеркале сына, который смотрел ей вслед.

Маленькая фигурка быстро уменьшалась, пока дорожка не изогнулась и между ними не встала колоннада дубов.

9

Прошедшей ночью долина стала казаться ей удаленной от цивилизации, как она того и хотела, – островком безопасности за горизонтом современного мира, куда не добралось общество механизированных ульев. Здесь каждый мог существовать для себя, освободившись от навязанной ему близости с другими членами цифрового содружества, а значит, быть в безопасности.

Вновь устремившись на запад, она вскоре поднялась по петляющей дороге на поросшие колючками холмы, которые ничуть не изменились за последние десять тысяч лет. В прозрачном, ясном утреннем воздухе ландшафт этой области, граничащей с пустыней, казался неестественным; местность выглядела разоренной, будто по ней когда-то давно прошла война, последняя война перед концом света.

Последствия этого конфликта обнаруживались в бесконечных многолюдных городах побережья, и по мере приближения к ним Джейн уже не могла отрицать то, что долина – и ее ребенок – ничуть не удалена от опасностей нынешнего смутного времени. Оставалось только надеяться, что с Трэвисом ничего не случится, пока она не разберется в характере и целях заговора, стоящего за эпидемией самоубийств,

и не получит достаточно улики, чтобы представить эту историю общественности. Даже в кромешном мраке надежда ведет нас вперед, хотя нередко она тоньше нити.

10

От Капистрано-Бич Джейн направилась по прибрежной автостраде в сторону Ньюпорт-Бич, а потом поехала прочь от океана, к Санта-Ане. Теперь, без канадских номерных знаков, у «форда-эскейп» было меньше шансов привлечь внимание полиции, но с калифорнийскими номерами их было бы еще меньше. При этом кража исключалась. Если пострадавший обратится в полицию, через час номер объявят в розыск по всей стране.

База данных Национального центра информации о преступлениях содержала списки разыскиваемых с выданными ордерами на арест во всех пятидесяти штатах. Туда заносились пропавшие люди и похищенная собственность, включая легковые машины, грузовики, катера, самолеты, акции, оружие и номерные знаки; списки постоянно обновлялись. Местные и федеральные агенты правоохранительных органов имели доступ к этой базе и регулярно ею пользовались.

Джейн собиралась купить номера, а не красть их. В пределах округа Ориндж продавца легче всего было найти в Санта-Ане. Некогда процветающий город долгое время находил-

ся в упадке, но недавняя джентрификация¹⁰ многое изменила. Несмотря на все усилия вернуть былую славу, многие районы Санта-Аны все еще пребывали в упадке, а некоторые даже оставались опасными.

Там, где процветали разложение и нищета, обычно не хватало средств на государственные услуги. Там, где полиция получала недостаточное финансирование, а нередко к тому же не пользовалась уважением, плодились гангстеры, как плодится плесень во влажном и теплом месте, и там легче было достать нужную тебе вещь.

Джейн петляла по городу, пока не нашла депрессивный промышленный район, страдавший от иностранной конкуренции, неправильной экономической политики и действий регулирующих органов, представители которых руководствовались благими намерениями, но никогда не появлялись на улицах, где результаты их разрушительных трудов были очевидны. Зброшенные корпуса заводов с грязными, размалеванными стенами. Ржавые металлические крыши. Разбитые окна.

Парковка, прежде заполненная машинами сотрудников, была пуста, а асфальт изрыт впадинами, похожими на провалившиеся могилы. Длинное здание из бетонных кирпичей и гофрированного железа содержало двенадцать гаражей удвоенной ширины. Реклама на крыше гласила: «Аренда охраняемых гаражей и рабочих помещений». Пять дверей бы-

¹⁰ *Джентрификация* – реконструкция неблагополучных городских кварталов.

ли подняты. Люди копались в машинах либо внутри гаражей, либо на бетонных площадках перед ними. Все выглядело молодо – большинству еще не исполнилось тридцати, – и Джейн предположила, что здесь есть владельцы небольших мастерских, работающие без лицензии. Другие, видимо, возились со своими собственными машинами: тюнингованными стрит-родами, автомобилями с низкой посадкой и форсированными двигателями и просто крутыми тачками.

Она припарковалась в сторонке и выбрала молодого латиноамериканца в наколенниках, опустившегося на землю перед жемчужно-серым «кадиллаком» 1960 года со съемной крышей, полностью восстановленным и слегка тюнингованным; парень натирал корпус гелеобразным воском с помощью электрополировщика. Когда подошла Джейн, он выключил инструмент и поднялся на ноги.

Мужчины в других отсеках оставили работу и уставились на Джейн – отчасти из-за ее внешности, но главным образом потому, что она явно была нездешней, а появление чужаков нередко предшествовало неприятностям.

Парень, полировавший «кадиллак», коротко стриженный и с усами а-ля Сапата¹¹, носил рабочие ботинки, джинсы и майку; лицо было бесстрастным, как поверхность бетонного блока. На мускулистых руках красовались татуировки, явно не тюремные, судя по сюжетам и стилю. На тыльной сторо-

¹¹ *Эмилиано Сапата* (1879–1919) – герой Мексиканской революции, носивший пышные, длинные усы.

не правой ладони была изображена стоя ангелов, летевших к бицепсам, чтобы собраться вокруг Пресвятой Девы с Младенцем, окруженных лучами. Великолепный тигр взбирался, глядя назад, по левой руке, и хотя он не обнажал клыки, в золотистых глазах читалось предостережение.

– Милая машинка, – сказала Джейн, показывая на «кадиллак». Парень ничего не ответил. – Это колеса «Дайтон» с проволочными спицами? А радиальные покрышки похожи на диагональные, которые были в то время.

Его карие глаза с едва заметными желтыми полосками только что были огнивом, готовым высечь искру. Но теперь они не угрожали вспышкой.

– Спортивные радиальные, «Кокер-эксельсиор», – сказал он.

– Это ваша машина?

– Я не угоняю машины.

– Я не это имела в виду.

– Глупо думать, что здесь можно чем-то поживиться.

– Я не торгую наркотиками. И не считаю, что каждый человек с мексиканскими корнями торгует ими.

Некоторое время он молча разглядывал ее глаза, тоже ставшие огнивом, потом кивнул в сторону машины:

– Да, она моя.

– Отличная работа.

Он ничего не сказал. Джейн посмотрела на других парней, которые сделали вид, что вернулись к работе, потом снова

на владельца «кадиллака»:

– Меня загнали в угол. Я могу заплатить, чтобы выбраться на простор. Но мне нужна помощь.

Он выдержал ее взгляд.

– Что я чувую?

– Вы чувствуете копа.

– Вы чокнутая, да?

Джейн понимала, что чистая ложь заставит его закрыться, а значит, нужно добавить немного правды.

– Я временно отстраненный от работы агент ФБР.

– Почему вас отстранили?

– Чтобы я им не мешала, чтобы устроить мне засаду, обвинить в преступлении, которого я не совершала.

– А вдруг кое-кто устраивает мне засаду прямо сейчас?

– С какой стати? Зачем стряпать липовые дела, чтобы заполнить тюрьмы, когда миллионы идиотов добровольно идут в камеру?

После очередной паузы с обменом взглядами он сказал:

– Я должен вас обыскать.

– Понимаю.

Парень повел ее в дальний темный угол, где начал с голени и двинулся вверх по ногам, желая убедиться, что на теле нет проводов. Внутренняя поверхность бедер, ягодицы, поясница, спина – снизу вверх, область вокруг груди... Сильные руки безжалостно обследовали ее, причем лицо его оставалось бесстрастным, а манеры – деловыми. Найдя писто-

лет, он приподнял куртку Джейн и обследовал наплечную оснастку и оружие, не доставая его из кобуры. Закончив, он отступил на шаг и спросил:

– Так в чем дело?

– Я дам вам пять сотен за номерные знаки от «кадиллака», а вы неделю не будете сообщать о похищении.

Он задумался.

– Тысячу.

Джейн заранее положила по пять сотенных купюр в оба передних кармана джинсов.

– Шестьсот.

– Тысячу.

– Семьсот.

– Тысячу.

– Вы берете меня за горло.

– Не я пришел к вам, а вы ко мне.

– Да, потому что вы не похожи на пирата. Восемьсот.

Он подумал и сказал:

– Отсчитывайте.

Джейн положила восемь сотенных бумажек на его раскрытую ладонь.

– Я заведу мою девочку в первый отсек, а вы загоните свой «форд» во второй. Там мы переставим номера.

– Тут очень любопытные парни, смотрят хищным взглядом, – сказала Джейн. – Когда я уеду, они увидят ваши номера на моей машине.

– Меня это не беспокоит. Ребята надежные. Но мы не знаем, кто ходит по улице.

Когда машины оказались в гараже, большая сегментированная дверь опустилась, приток свежего воздуха прекратился, и запах бензина, смазки и резины стал сильнее. Джейн почувствовала себя запертой и насторожилась, но тревоги не ощущала. Наконец номера были переставлены, и дверь, застонав, поехала вверх. Парень подошел к Джейн:

– Она будет стоять здесь, а я поезжу на своем обычном ведре. Вы просите одну неделю, я даю вам две. Потом сообщу полиции, что у меня сняли номера.

– Вы вдруг стали таким щедрым, но я думаю...

– Я не обманываю, когда речь идет о таких серьезных вещах.

– Я хотела сказать другое: до семи вы точно умеете считать, а насчет четырнадцати я не уверена.

У него вырвался удивленный смешок.

– *Bonita chica*¹², если бы я знал, где делают таких, как вы, то переехал бы туда прямо завтра.

11

Продавщица париков на бульваре Санта-Моника в модном Западном Голливуде решила, что к цвету кожи Джейн

¹² Красотка (*исп.*).

лучше всего подойдет темно-фиолетовый с ярко-красными полосками.

– Правда, к вашей великолепной коже подойдет что угодно.

В магазине был отдел косметики, где продавались темно-фиолетовая помада и тени с блестками того же цвета. Продавщица пришла в восторг оттого, что Джейн из тусклой стала яркой.

– Не стоит вам выглядеть как молодой адвокат. Ваши козыри припрятаны в нужных местах, так почему же не выставить их напоказ, прежде чем жизнь пойдет под уклон? Что скажут коллеги по работе?

– У меня появились деньги, – сказала Джейн. – Могу больше не работать. Завтра увольняюсь.

– Так вы собираетесь зайти туда в последний раз? Сверкнуть новым блеском? И послать всех в задницу?

– Именно.

– Шикарно.

– Правда?

– Втопчите их в грязь.

– Непременно, – сказала Джейн, хотя и не была уверена, что понимает смысл этого выражения.

На другой стороне улицы, в полуквартале от магазина, в бутике, где продавщицы выглядели очень соблазнительными киборгами из будущего, Джейн купила пару расклешенных джинсов «Буффало Инка» с высоким подъемом в стиле ре-

тро и байкерскую куртку из овечьей шкуры, которая, по словам девиц, представляла собой идеальную подделку под какой-то там «Контур де Котоньер». Кроме того, она выбрала туфли из змеиной кожи, с высоким каблуком и застежками на лодыжке – якобы качественную подделку под «Сальваторе Феррагамо». Джейн слышала это имя, но думала, что так зовут известного хоккеиста или футболиста. Пришлось купить и пару перчаток из черного шелка с серебряным швом, закрывавших запястье. Ногти выдали бы ее с головой: сразу видно, что перед тобой работяга-коп, а не блестящая девчонка. И потом, она отправлялась туда, где не стоило оставлять отпечатки пальцев.

Для шопинга у нее не хватало терпения, в особенности потому, что для примерки одежды плечевую оснастку и пистолет приходилось оставлять в машине. В промежутке времени от выбора парика до перчаток она чувствовала себя голой.

Выехав из Западного Голливуда, она направилась в места не столь гламурные. На протяжении нескольких десятилетий северо-западные окраины Лос-Анджелеса, с другой стороны гор Санта-Моника, процветали и расширялись. Но многие кварталы Ван-Найса, Резеды, Канога-Парка и других населенных пунктов свидетельствовали о том, что штат приходит в упадок. Сверкающие огнями городские районы на побережье продолжали демонстрировать роскошь, но здесь, в западной части долины Сан-Фернандо, повсюду виднелись

признаки кризиса. Джейн проехала мимо нескольких мотелей, отданных на откуп крысам и тараканам, – видимо, их облюбовали наркоманы, вчетвером снимавшие двухкомнатный номер на неделю.

В другом, более солидном районе мотели общенациональной сети все еще выглядели по-семейному привлекательно. Она зарегистрировалась, заплатила наличными и предъявила фальшивый документ, будучи уверена, что ей не придется вставать ночью и вмешиваться в драку между метамфетаминщиком и кокаинщиком.

Итак, она начала превращаться из блеклой женщины в яркую.

12

Здесь имелись рабочие места, в том числе высокооплачиваемые, а центральный коммерческий район очень старался казаться суперсовременным, ориентированным на молодежь, местом, где нужно жить, если ты считаешь именно так. Несколько голых витрин опровергали сказки о полном процветании, но таких пустот было не слишком много. На каждые три магазина или ресторана, которые выглядели так, будто внутри висит плакат с Че Геварой, приходился старомодный ритейлер, предлагавший вязаные костюмы для пожилых женщин, или итальянский ресторан, где давали чесночный хлеб в неограниченном количестве, причем ни один не на-

зывался тратторией.

Джейн интересовал только один магазин, с единственным словом «Винил» на вывеске, – работающее заведение, в котором нельзя было ожидать наплыва посетителей. Никаких указаний на предлагаемые продукты или услуги. Большие окна были покрашены зеленой краской, что не давало возможности увидеть товар или заглянуть внутрь.

Проехав мимо магазина, она убедилась, что активной слежки из зданий на другой стороне улицы не ведется, и припарковалась в квартале от «Винила», завернув за угол. Затем перешла на южную сторону улицы, чувствуя, как стала выше ростом из-за тупель, и понимая, что оказалась не в своей тарелке, хотя и в нужном месте. Работа под прикрытием никогда не была ее коньком.

Она остановилась у бестолковой лавчонки, торговавшей навынос и пытавшейся быть одновременно джус-баром, модным магазином по продаже чая со специями и тому подобных напитков и мороженщицей, удивлявшей разными сортами с экзотическими добавками. Все это было втиснуто в такое крохотное пространство, что даже мальчонка-первоклашка трижды подумал бы, прежде чем открыть здесь лимонадную стойку¹³. Джейн купила бутылочку кокосовой воды. Пальмовая моча, если бы существовала, имела бы точно

¹³ *Лимонадная стойка* – торговля, организованная детьми и для детей; обычный ассортимент – разнообразные лимонады. Такая форма торговли широко пропагандировалась в США и рассматривалась как лучшее времяпровождение для детей во время летних каникул.

такой же вкус. Но она все равно выпила содержимое, пока проходила два квартала, этот и следующий, и делала вид, что разглядывает витрины. Перебравшись на северную сторону, она медленно направилась к «Винилу». Ни в одной из припаркованных машин не было видно никого, кто мог бы вести наблюдение за магазином.

Она вошла в дверь с цветным витражом. Звякнул колокольчик, извещающий о прибытии клиентов. Помещение разделялось на части стеллажами, где стояли пластинки, включая и совсем древние, на 78 оборотов, из той эпохи, когда не было компакт-дисков и цифровой музыки. На стенах висели снабженные рамками плакаты, афиши концертов и постеры с изображениями певцов и музыкантов, от Бинга Кросби¹⁴ до «Битлз». «Винил» ориентировался на аудиофилов, любителей древности, предпочитающих оригинальные записи, звуки, не доведенные до бездушного совершенства с помощью современной техники. По крайней мере, так казалось на первый взгляд.

На табурете за прилавком сидела длиннолицая большеглазая девица с черными как смоль, ниспадающими на плечи волосами в мелких колечках. На шее, под подбородком, красовалась маленькая татуировка в виде черепа, – вероятно, она провела перед зеркалом не одну сотню часов, оттачивая выражение скуки на своем лице. Рядом с девушкой стоял проигрыватель, на котором крутился диск груп-

¹⁴ *Бинг Кросби* (1903–1977) – американский джазовый певец и актер.

пы «Kansas» с их главным хитом «Dust in the Wind»¹⁵, и легко можно было предположить, что она целый день слушает только его.

Джейн положила на прилавок каталожную карточку, на которой заранее написала фломастером: «У ФБР ЕСТЬ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА, ПОЗВОЛЯЮЩЕЕ ИМ ЗАПИСЫВАТЬ КАЖДОЕ ПРОИЗНЕСЕННОЕ ЗДЕСЬ СЛОВО». Вместо того чтобы прочесть карточку, девица сказала:

– Вы глухонемая или как? Мы не делаем пожертвований.

Джейн подняла руку в перчатке с выставленным средним пальцем, а потом показала на карточку. Девица соизволила прочесть, и если даже что-то поняла, на ее лице сохранилось восхитительно тупое выражение.

На второй карточке было написано: «ЕСЛИ ДЖИММИ РЭДБЕРН НЕ ХОЧЕТ ПРОВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В ТЮРЬМЕ, ОН ДОЛЖЕН СЕЙЧАС ЖЕ ПОГОВОРИТЬ СО МНОЙ».

Безгубая улыбка черепа на горле девицы, казалось, стала еще шире, когда та проглотила комок в горле. Она взяла обе карточки с прилавка, спрыгнула с табурета, пошла к двери за прилавком и исчезла за ней.

Джимми Рэдберн заслуживал того, чтобы провести остаток жизни в роли любовника какого-нибудь головореза в Ли-

¹⁵ «Прах на ветру» (англ.).

венворте¹⁶ или похожем заведении. Но он был нужен Джейн. Ее мутило от мысли, что приходится обращаться к нему. Ее много от чего мутило в последние дни, но она терпела.

Группа «Kansas» перестала оплакивать убожество человеческого бытия и перешла к другой песне.

13

Минуты через две девица вернулась с парнем лет двадцати пяти, высоким, стройным, с двухдневной щетиной. Каштановые волосы, подстриженные почти под ноль по бокам, сверху были длиннее. На футболке стояло лишь одно слово, сложенное из черных букв: «ВРЕДОНОС». На нем были довольно короткие тренировочные штаны с завязками и кроссовки «Найк» со скругленными носками. Выйдя через дверцу у конца прилавка, он оглядел Джейн с головы до ног, ничего не сказал, затем подошел к входной двери и запер ее.

Продавщица вновь устроилась на своем табурете, сняла пластинку с проигрывателя, поставила другую. Парень повернулся к Джейн и уставился на нее, словно ожидая, что она будет что-то доказывать.

Она тихо сказала:

– Джимми Рэдберн?

Предупрежденный о том, что каждое слово записывается,

¹⁶ Имеется в виду тюрьма, расположенная на территории армейской базы Форт-Ливенворт (штат Канзас).

он ткнул себя в грудь указательным пальцем. На самом деле он не был Джимми Рэдберном и ничуть не походил на него. Если по своей недалекости он думал, что посетительнице известно только это имя, от него можно было ожидать и других глупостей. Он сделал приглашающий жест и пошел к двери, из которой появился.

На лицо девицы вернулось выражение изысканной скуки, и она поставила иголку звукоснимателя не на вводную канавку, а сразу в начало записи. Зазвучала песня Элтона Джона «Funeral for a Friend»¹⁷, и никто не мог сказать, выбрала она эту вещь случайно или с намеком.

Джейн последовала за Вредоносом в заднее помещение. На глубоких стеллажах вдоль стен, на столах и под столами стояли без всякого видимого порядка картонные коробки, не имевшие маркировки, и прямоугольные пластиковые ящики с пластинками. В одном углу Джейн увидела чистящее устройство, позволявшее любовно удалить налет с коллекционных пластинок при помощи химикалий. Никто не пользовался им.

Зевая, словно всемирная усталость продавщицы заразила и его, Вредонос закрыл дверь в торговый зал, а потом, резко повернувшись, схватил Джейн одной рукой за пах, другой – за горло и ударил ее спиной о стену рядом с дверью.

Ему следовало бы прижать ее к стене всем телом, не дать ей пространства для маневра, и в тот же миг залезть под рас-

¹⁷ «Похороны друга» (англ.).

стегнутую мотоциклетную куртку, проверяя, нет ли там оружия. Но он пока не принимал ее всерьез. И еще ему хотелось ухватить ее за пах, очень хотелось, потому что его пальцы вжимались в ее тело, ощупывали его сквозь джинсовую ткань. Он приблизил к ней лицо, собираясь исполнить какое-то дурацкое намерение.

Когда Джейн подняла правую ногу, парень решил, что она собирается ударить его коленом в причинное место, – но это движение он мог бы пресечь без труда, и поэтому ее замысел выглядел по-другому. Твердая кромка подошвы туфли «от Феррагамо» ударила его по обнаженной левой голени, сорвала кожу, вонзилась в мышцы и прошла по острой боковине большеберцовой кости, от конца слишком коротких тренировочных штанов до язычка кроссовки, что, вероятно, дало ему повод задуматься о ношении носков.

Голень – насыщенная нервными окончаниями нижняя часть ноги, была пронизана множеством маленьких вен, по которым бедная кислородом кровь возвращалась в малую подкожную вену. Сразу же возникла сильная боль, он определенно почувствовал, как теплая кровь течет по ноге, – пугающее ощущение, если ты к нему не подготовлен. Вреднос издал слишком высокий для мужчины крик, отпустил Джейн, сделал шаг назад, наклонился, чтобы ухватиться за голень, и тут она с силой ударила его коленом по подбородку, так, что клацнули зубы. Потом отошла в сторону, созерцая рухнувшее на пол тело.

Дверь распахнулась, появилась мисс Скука, которая, видимо, впервые столкнулась с реальным миром. Девушка замерла на пороге: Джейн уже вытащила свой «хеклер-кох», так что большие темные глаза продавщицы могли как следует разглядеть ствол.

– Возвращайся на свой табурет, – сказала Джейн. – И поставь какую-нибудь веселенькую музыку. У Элтона много такого.

14

Лестница за одной из дверей вела на второй этаж, где делалась настоящая работа, и Джейн хотела, чтобы Вредонос шел перед ней. Эти люди не действовали гангстерскими методами и уж явно не были извращенными кровопийцами, как те социопаты-убийцы, которых она выслеживала последние шесть лет. Но если им не хватало здравого смысла, как этому типу, могло случиться ненужное кровопролитие. Джейн собиралась использовать присмирившего обидчика в качестве щита и следовать за ним с пистолетом, чтобы при необходимости всадить пулю ему в поясницу: у людей наверху будет время на то, чтобы унять свое возбуждение.

Вредонос обнаружил, что ему больно держаться прямо, но если бы он поднимался по лестнице, как тролль, то был бы бесполезен для Джейн. Мысль о пистолете, упирающемся в спину, придала ему сил. Пришлось держаться за пери-

ла и медленно одолевать каждую ступеньку, полностью выпрямившись. Поначалу он проклинал Джейн, выплевывая кровь, потому что прикусил язык, потом понял, зачем ей живой щит, и с опозданием решил выкрикнуть:

– Я иду впереди, Джимми, перед ней, это я впереди, Джимми!

Лестница имела один крутой длинный пролет, двери наверху не было. Когда они почти дошли до конца, Джейн сильнее вдавила ствол в спину парня – на тот случай, если он решит снова превратиться в мачо, встретившись взглядом со своими друзьями. Наконец они поднялись на второй этаж. Из-за спины Вредоноса Джейн увидела большое помещение во всю длину здания: заколоченные окна, лампы на потолке, изливающие мягкий свет, грязный бетонный пол. Около десятка компьютеров, к каждому были подключены принтер, сканер и какие-то черные коробки. В центре на возвышении стоял кольцеобразный стол. Сидящий за ним мог обозревать все помещение.

В разных местах стояли семеро мужчин, которые смотрели в сторону лестницы, – молодые парни лет двадцати с чем-то, в крайнем случае тридцати с небольшим, тощие и толстые, бородатые и безбородые. Все были бледны – не от страха, а из-за отсутствия интереса к делам, которые вершатся при свете дня. Все были одеты как завязанные компьютерщики.

Вооружен был только один, Джимми Рэдберн, но даже с оружием он казался не опаснее котенка. Он стоял в непра-

вильной позе – левая нога отставлена назад, на нее приходится слишком много веса, который должен распределяться равномерно. Вероятно, он выбрал это оружие из-за устрашающего вида. Джейн решила, что это «магнум кольт анаконда» калибра .44 с нелепым восьмидюймовым стволом, весящий примерно пятьдесят шесть унций, – тяжелее большого кирпича. Джимми держал его в вытянутой руке, возможно подражая Клинту Иствуду в фильме «Грязный Гарри». При нажатии на спусковой крючок отдача отбросила бы его назад, он разбил бы дорогостоящий светильник на потолке и, возможно, испугался бы настолько, что выронил бы оружие.

Когда речь шла об огнестрельном оружии, то Джейн предпочитала иметь дело с профессионалами – в этом случае ты, по крайней мере, не умрешь нелепой смертью.

В другой руке Джимми держал две каталожные карточки с посланиями Джейн. Та оттолкнула Вредоноса прочь, но не в сторону Джимми.

– Сядь на стул.

Снова осыпав ее проклятиями, Вредонос заковылял к офисному стулу.

Джимми, возможно, был пуглив, но вовсе не глуп. Он прочел текст на карточках. Джейн предоставила информацию, которая при правильном использовании помогла бы ему избежать тюрьмы. Даже если бы сведения оказались фальшивыми – чего не могло быть, – это нельзя было истолковать как враждебное действие.

Считая Джимми более здравомыслящим, чем типа, голень которого она ободрала до кости, Джейн сунула пистолет в кобуру. Джимми продолжал держать ее под прицелом. Она вытащила из кармана еще одну карточку и протянула ему.

Несколько секунд он не мог ни на что решиться, и шестеро его подручных напряженно стояли в ожидании – ни дать ни взять кадр из спагетти-вестерна. Наконец Джимми опустил револьвер, левой рукой поманил Джейн и взял третью карточку.

На ней было выведено печатными буквами: «В НЕКОТОРЫЕ ВАШИ ТЕЛЕФОННЫЕ ЛИНИИ ВСТАВЛЕНЫ ЖУЧКИ „ИНФИНИТИ“».

Жучки «инфинити» нельзя было назвать последним словом техники. Они были старше Джимми, которому перевалило за тридцать, и, может быть, даже старше его матери, но работали безотказно. Возможно, думая о том, что ему придется много лет питаться тюремной пищей, отпрыск миссис Рэдберн не рассматривал эту угрозу как первостепенную, но Джейн предполагала, что он слышал о таком устройстве.

Джимми положил карточку и револьвер на круглый стол, стоявший на возвышении, и приказал своим ребятам:

– Выйти из системы и прекратить работу.

Те сразу же вернулись к компьютерам, выполняя распоряжение.

После установки жучок «инфинити» находился в спящем режиме, пока на телефон не поступал звонок, активировав-

ший устройство. При наборе последней цифры в микрофоне включался электронный свисток, и жучок мгновенно начинал работу, блокируя звонок телефона и задействовав при этом микрофон. Люди, находившиеся в комнате, в этой самой комнате, и не подозревали, что каждый их разговор передается в какую-нибудь правоохранительную службу, где записывают все. Имея действующее судебное распоряжение, вынесенное по соображениям национальной безопасности, ФБР, скорее всего, прослушивало Рэдберна часто, но не постоянно, хотя при желании могло вести запись в круглосуточном режиме.

Когда все компьютеры были выключены, Джимми подошел к высокому металлическому шкафу в северо-восточном углу длинного помещения. Там находился коммутатор для бизнеса с двумя дюжинами телефонных линий. Повозившись около минуты, Джимми закрыл дверь шкафа. Джейн решила, что он отключил телекоммуникационный пакет целиком. Вернувшись к ней, он спросил:

– А парик зачем?

Джейн показала на заколоченные окна с южной стороны помещения:

– Там столько камер наблюдения за дорожным движением, что люди перестают обращать на них внимание. Одна стоит посреди квартала, перед вашим магазином. Но это не дорожная камера.

– Черт!

– Кажется, что она ведет съемку в направлении с запада на восток, но, вообще-то, нацелена на вашу дверь.

– Вот уроды. Прямо Оруэлл какой-то.

«Ты тоже один из них, хотя и не понимаешь этого», – подумала Джейн.

– Она щелкает каждые две секунды и передает в высоком разрешении изображения всех, кто входит в «Винил» и выходит из него. Вот зачем мне парик. И густые тени. Но насколько я знаю, камера пока не оборудована программой распознавания лиц.

– Как вас зовут?

– Итан Хант, – брякнула она, вспомнив развозчика из Сан-Диего.

– Занятое имя для девушки.

– Я вам не простая девушка.

15

Джимми Рэдберн отправил Вредоноса – которого звали Феликс – вниз для получения первой помощи от мисс Скуки, известной также как Бритта. Остальным он велел ждать указаний в магазине. Все шестеро загромыхали по крутой лестнице, а Джимми крикнул им вслед:

– Закройте за собой дверь!

Кто-то из них так и поступил.

Он пригласил Джейн к столу, на котором стояли короб-

ки с печеньем, пакетики с конфетами, картофельными и кукурузными чипсами, солеными крендельками, банки и вазочки с орешками, – закуски хватало для целого легиона курильщиков травки, даже если бы они дымили круглосуточно. Сложные и деликатные задачи, стоявшие перед черными хакерами «Винила», исключали курение до и во время работы (и, пожалуй, также после нее), но здесь явно считали, что удовольствие от пищи, богатой углеводами и солью или сахаром, способствует повышению производительности.

Они подтащили к столу два стула и сели друг против друга.

Джимми Рэдберн походил на повзрослевшую куклу Кюпи – приятно-округлый, но не толстый, гладкое лицо без морщин, почти безволосое. Он был хорошо выбрит и свежесмыт, а такого идеального маникюра Джейн не видела ни у кого.

– Откуда у вас эта информация – та, что на карточках? Думаю, это сплошной мусор.

– Не важно, как я ее получила. И это не мусор.

Джейн не собиралась говорить ему, что она – агент ФБР в отпуске. Если дело дойдет до суда, он не расскажет о том, чего не знает.

– Они применили дедовские технологии, – продолжила она, – и вы ничего не обнаружили во время проверки, потому что действуете прямолинейно, ищите слабые места там, где ожидаете их найти. Когда вы разрабатываете продукты –

приложения, да что угодно, – или пытаетесь взломать сеть, вам нужно продвигаться быстро. Но дело в том, что иногда необходимо прогуливаться пьяной походочкой.

– Уважаю случайности, – согласился он. – Пьяная походочка. Броуновское движение. Случайное, произвольное продвижение.

– Нужно поступать так и при обеспечении безопасности.

– Я гений и идиот одновременно. – При помощи своей улыбки Джимми пытался излучать самоуничужение, но это была улыбка змееныша. – Насколько пристально за мной следят? Что мне делать – смываться отсюда прямо сегодня?

– Они ослабляют леску, дают вам поиграть с крючком, собирают сведения на других рыбках, плавающих с вами. Поэтому время у вас есть. Может, несколько месяцев, может, год. Но я бы на вашем месте осталась здесь еще на два-три дня, а потом ушла через заднюю дверь. Чтобы к следующей неделе здесь было пусто.

– Звучит пессимистично.

– Да уж, не оптимистично, – согласилась она. – Не буду говорить, откуда я знаю об этом, но, если хотите, могу рассказать, как они вышли на ваш след.

Пока она говорила, Джимми вытащил из пакета печенье «Орео», засунул его в рот целиком, словно крохотный крекер, и принялся яростно жевать. Проглотив, он сказал:

– Пожалуй, мне нужно знать. Говорите.

– Вы помните клиента по имени Карл Бессемер?

– Мое правило – не запоминать клиентов.

– Одна из ваших программ позволяет даже тому, кто ничего не смыслит в технике, списывать средства с банковских счетов при помощи смартфона. Вызов или текстовое сообщение направляется на канадский сервер и возвращается в Штаты, где еще несколько раз изменяет маршрут, прежде чем вернуться к адресату с фальшивым идентификатором отправителя.

– Я горжусь этим делом. Всем успехам успех.

Самодовольное выражение на его лице действовало Джейн на нервы.

– Кроме того, вызов исчезает из системы биллинга телефонной компании, никаких данных не остается.

– Отшлепайте меня. Я плохой мальчик. – Он вытащил еще одно печенье. – В свою защиту скажу вот что: мы пытаемся разработать систему опознания потенциальных террористов и не хотим продавать ее им.

– Как это работает?

Прожевав печенье, Джимми признался:

– Не так хорошо, как хотелось бы.

– А еще вы продали Бессемеру неплохой синтезатор голоса с интерфейсом, который позволял использовать его в смартфоне. Загрузите в синтезатор минутную запись, которую сделали во время телефонного разговора, и ваш голос будет звучать наподобие голоса другого человека. Жена будет считать, что разговаривала с мужем, ребенок – что он

разговаривал с матерью, а на самом деле им звонил Бессемер.

– Еще один высококлассный продукт Рэдберна.

Он праздновал свою победу, постукивая одним кулаком о другой. Безволосые кисти с толстыми пальцами имели, как и запястья, бледно-розовый цвет, – гладкие, как резина, на вид лишенные костей, отталкивающие. Руки андроида, выращенного в пробирке.

– Но вам не повезло в том смысле, что Карл Бессемер не был обычным телефонным мошенником, который пытается обмануть «Америкен телефон энд телеграф». Он даже не был обыкновенным преступником.

– Как подсказывает мой опыт, – ответил Джимми, – такого понятия, как «обыкновенный преступник», не существует. Общество состоит из уникальных личностей.

– Притворяясь другим человеком, Бессемер заманивал молодых женщин в безлюдные места, насиловал их и убивал.

– Нельзя же обвинять «Дженерал моторс» в том, что она продает машины людям, которые напиваются и садятся за руль.

Джейн ненавидела его, но одновременно нуждалась в нем.

– Поймите меня правильно, я вас не осуждаю, а только рассказываю, как Бюро вышло на вас.

– Не забивайте свою прелестную фиолетовую головку. У меня нюх на характеры. Я их чувю. Ваш характер пахнет так же, как мой. Вы не из тех, кто судит других.

– Бессемер – не настоящее имя.

– Многие клиенты не называют своих настоящих имен, Итан Хант. Анонимность необходима для приватности, а приватность – право каждого.

– Его настоящее имя – Флойд Бруб.

– Вот как, – сказал Джимми, который теперь видел картину целиком. – Бруб Мясоруб. Звезда таблоидов и теленовостей. Сколько убийств – пятнадцать, шестнадцать?

– Деятнадцать. – Это она выстрелом в ногу обезвредила Бруба, а потом связала кабельной стяжкой, из тех, которыми он связывал своих жертв, после того как лишал их способности к сопротивлению. – Его не убили при задержании, вам не повезло. Флойд – болтун. Он не знал вашего адреса...

– Никто из наших клиентов не знает. Мы ведем дела исключительно в Темной сети¹⁸.

– Да, он знал только о вашей программе и синтезаторе, но этого хватило, чтобы найти вас.

– Они нашли Джимми Рэдберна, не меня. – Он взял еще одно печенье, но вместо того, чтобы есть, принялся крутить его между большим и указательным пальцем. – На самом деле я не Джимми, как и тот человек не был Карлом Бессемером. Когда я исчезну отсюда, исчезнет и Джимми. – Полминуты он изучал Джейн, которая позволила ему сделать это, и

¹⁸ *Темная сеть* – часть Всемирной сети, для доступа в которую требуется специальное программное обеспечение или авторизация. Входит в состав так называемой Глубокой сети – сегмента Интернета, в который невозможно попасть, используя обычные поисковые машины.

наконец сказал: – Само собой, вы можете не опасаться, что исчезнете вместе со мной.

– Я видела, как вы обращаетесь с пушкой. Вы не убийца. Вы не возражаете, если кого-нибудь замочат, в вашем бизнесе это сопутствующий риск, но душа у вас к этому не лежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.